

II.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Digitized by Google

ПАДЕНІЕ НАПОЛЕОНА.

ОБЪЯВЛЕНО ПО ПОВОДУ СОЧИНЕНІЯ

ГЕНЕРАЛЬ-ЛЕЙТЕНАНТА М. БОГДАНОВИЧА:

ИСТОРІЯ ВОЙНЫ 1814 г. во Франціи и низложенія Наполеона I.

Кампанія 1814 года, окончившаяся освобожденіемъ Европы отъ чуждого владычества, который едва не осуществилъ идею всемірной монархіи, прѣмъ общаго историческаго интереса; для насъ, русскихъ, имѣеть еще свое особенное значеніе. Россія, вышедшая побѣдительницею изъ тяжкаго испытанія въ 1812 году, настояла на продолженіи войны въ 1813 году. Результатомъ твердости императора Александра и русскаго народа было освобожденіе Германіи. Испытавъ двѣ тяжелыя неудачи, Наполеонъ очень хорошо понималъ, кто былъ самымъ опаснымъ его противникомъ. Онъ видѣлъ, что все дѣло въ рукахъ русскаго государя, что только отъ императора Александра зависѣлъ дальнѣйшій ходъ европейской политики. Стоило императору Александру протянуть руку, неоднократно предлагаемую Наполеону, и европейская война стихла бы на нѣкоторое время, а Россія, ничѣмъ болѣе не рискуя, приобрѣла бы славу побѣды надъ непобѣдимымъ дотошъ полководцемъ. Но, освободивъ Россію и Германію, императоръ Александръ на этомъ не остановился: онъ рѣшился освободить Европу и довести Наполеона до того положенія, чтобы онъ не могъ уже болѣе нарушать европейскаго мира.

До сихъ поръ заслуга императора Александра не всегда была выставляема историками въ ея настоящемъ свѣтѣ. Пѣво-

торые изъ писавшихъ объ этомъ періодѣ многое скрывали, изъ національнаго самолюбія, относительно заслугъ Россіи въ дѣлѣ освобожденія Европы и съ умысломъ или безъ умысла уменьшали ея значеніе въ великомъ европейскомъ вопросѣ. Франція имѣетъ блестящаго историка наполеоновскаго времени въ лицѣ Тьера, который въ XVII томѣ своего знаменитаго сочиненія „Histoire du consulat et de l'empire“, съ увлекательностію рассказываетъ исторію паденія Наполеона. Кто знакомъ съ этимъ писателемъ вообще, тотъ очень хорошо знаетъ достоинства его историческихъ сочиненій: отличающагося полнотою, картинностію описанія, подробностями въ изложеніи и увлекательностію разсказа, они, въ то же время, ради излишняго патріотизма, иногда весьма сильно грѣшатъ противъ истины. На русскомъ языкѣ мы до сихъ поръ имѣли одно только сочиненіе о 1814 годѣ—это Михайловскаго-Данилевскаго, которое однако, сохраняя въ себѣ общіе недостатки его сочиненій, отличается еще тѣмъ, что слабѣе всѣхъ другихъ. Поэтому нельзя не привѣтствовать появленія въ свѣтъ сочиненія нашего исторіографа г. Богдановича, пользовавшагося такими матеріалами, которые до сихъ поръ были большею частію недоступны и лежали въ архивахъ. Мы далеки отъ мысли писать подробный критическій обзоръ этого труда; напротивъ, мы думаемъ, что окажемъ гораздо большую услугу нашимъ читателямъ, если въ краткомъ очеркѣ ознакомимъ ихъ съ содержаніемъ новаго сочиненія. Для полноты нашего разсказа и для его оживленія, мы позволимъ себѣ прибѣгать и къ другимъ сочиненіямъ, именно къ тѣмъ, въ которыхъ тотъ или другой эпизодъ, тотъ или другой фактъ описаны безпристрастно. Разумѣется, главнымъ образомъ мы будемъ имѣть въ виду трудъ г. Богдановича и обращаться къ другимъ источникамъ только для поясненій и дополненій. Это по преимуществу будетъ касаться описанія политическихъ фактовъ и событій; что же касается до военныхъ дѣйствій, то мы будемъ держаться исключительно указаній г. Богдановича, сочиненіе котораго, въ отношеніи описанія военныхъ дѣйствій русскихъ войскъ, по нашему убѣжденію, есть лучший источникъ.

Кампанія 1813 года кончилась для Наполеона самымъ плачевнымъ образомъ. Изъ числа корпусовъ, находившихся послѣ перемирія 1813 года въ составѣ французской арміи, 1-й и 14-й сдались союзникамъ въ Дрезденѣ, 10-й оставался въ Данцигѣ,

13-й въ Гамбургѣ, 3-й, 7-й, 8-й пѣхотные и 4-й кавалерійскій были расформированы; 9-й долженъ былъ послужить основаніемъ резервной арміи маршала Ожеро, собиравшейся въ Лионѣ. Изъ сорокатысячной гвардіи осталось только 27,000; соединенные въ одинъ корпусъ, подъ начальствомъ Морана, корпуса Удино, Ренье, Ожеро и Бертрана составляли около 17,000 человекъ; корпуса Мармона и Нея, подъ начальствомъ маршала Мармона, имѣли подъ ружьемъ 13,500 человекъ; въ корпусѣ Виктора едва было 6,000 человекъ. Въ корпусахъ Макдональда и Лористона, соединенныхъ подъ начальствомъ Макдональда, было 11,700 человекъ. Вся кавалерія доходила до 11,800 человекъ (*). Полаки, оставшіеся въ самомъ незначительномъ числѣ, были отправлены къ своему депо въ Седанъ, чтобы сколько-нибудь тамъ устроиться. Наконецъ, вся граница была покрыта шайками отсталыхъ, неодѣтыхъ людей, несшихъ повсюду за собою тифъ и другія болѣзни. Словомъ, эта картина весьма живо напоминала собою отступленіе изъ Россіи въ 1812 году, съ тѣмъ только различіемъ, что теперь у французовъ было до 60,000 войска и что, вмѣсто отступленія въ Германію, они отступали во Францію, свое истощенное и угнетенное отечество.

Не въ лучшемъ положеніи находились дѣла Наполеона въ Испаніи и въ Италіи.

Судьба Италіи была рѣшена послѣ лейпцигской битвы, когда европейскіе кабинеты начали серьезно думать о томъ, чтобы отвлечь Мюрата и вице-короля Евгенія отъ Наполеона обѣщаніемъ оставить за ними ихъ владѣнія. Гиллеръ, тѣсняя постепенно французовъ, отодвинулъ ихъ за Эчъ, оставивъ во власти вице-короля только Усопо, Пальмануово и Венецію. Солдаты Евгенія толпами переходили на сторону непріятеля. Тогда король баварскій, тестъ вице-короля, послалъ къ нему для переговоровъ своего адъютанта, обѣщая своему зятю отъ имени коалиціи государство въ Италіи, если онъ отстанетъ отъ Наполеона. Страстно любя свою жену и дѣтей, вице-король однако не согласился и сообщилъ обо всемъ Наполеону.

Совсѣмъ иначе смотрѣлъ на это дѣло Іоакимъ Мюратъ, ко-

(*) Въ эти цифры показаны у Коха, въ его Mémoires pour servir à l'histoire de la campagne de 1814; у Тьера же показаны слѣдующія цифры: въ гвардіи 10,000, у Морана 12,000, у Мармона 8,000, у Виктора 5,000, у Макдональда 9,000, а въ кавалеріи 10,000.

роль неаполитанскій. Уже 30-го января 1814 года онъ обнаружилъ прокламацію, въ которой объявлялъ о своемъ намѣреніи воевать противъ Франціи въ союзѣ съ Англіею.

Наконецъ герцогъ Веллингтонъ, оттѣснивъ съ Пиренейскаго полуострова французовъ, стоялъ съ своею арміею на границахъ Франціи.

Внутри самой Франціи Наполеонъ уже не видѣлъ того довѣрія и энтузіазма, съ которыми его повсюду встрѣчали въ бывшее время. По прибытіи въ Парижъ, онъ нашелъ всеобщее неудовольствіе и крайнее противъ себя раздраженіе. Его полиція, несмотря на свою изумительную дѣятельность и тотъ произволъ, которымъ неограниченно пользовалась такъ долго, съ трудомъ могла удерживать открытыя народныя манифестаціи.

Несмотря на то, что никто изъ членовъ правительства, кромѣ самого Наполеона, не зналъ секретныхъ переговоровъ въ Прагѣ, несмотря на то, что Наполеонъ увѣрялъ своихъ министровъ и архиканцлера, что союзники настаиваютъ на его униженіи, общественное мнѣніе было убѣждено, что если переговоры не удались, то единственно по его собственной винѣ. Общее мнѣніе упрекало Наполеона за то, что онъ не заключилъ мира послѣ люценскаго и бауценскаго сраженій.

Писатели, писавшіе въ пользу правительства, получили инструкціи отъ герцога Ровиго (главнаго начальника полиціи), на основаніи которыхъ должны были выставить причины неудачи кампаніи 1813 года. Какъ неудачу похода въ Россію они объясняли морозомъ, такъ теперь отпаденіемъ союзниковъ объясняли неудачу 1813 года. Къ этому предлогу прибавляли еще преждевременный взрывъ лейпцигскаго моста. По словамъ правительственныхъ писателей, безъ измѣны саксонцевъ и баварцевъ, безъ ошибки офицера, взорвавшаго преждевременно лейпцигскій мостъ, Наполеонъ вернулся бы на Рейнъ съ славнымъ для Франціи миромъ. Но—увы!—этимъ писателямъ уже никто не вѣрилъ. Имъ оставалось дѣлать только то, что дѣлаютъ въ подобныхъ случаяхъ лжецы: они еще съ большимъ ожесточеніемъ варьировали на обѣ темы.

Такая система производила совершенно противное дѣйствіе. Повсюду раздался всеобщій голосъ негодованія. Наполеона выставляли какъ кровожадное чудовище, пожирающее сотнями тысячъ народъ для удовлетворенія своего ненасытнаго честолюбія. Изнуренная въ теченіе десяти лѣтъ революціонными пере-

воротами, Франція томилась теперь военнымъ деспотизмомъ; въ теченіе пятнадцати лѣтъ проливающимъ кровь ея дѣтей съ одного конца Европы до другаго.

Парти, давно скрывавшіяся, появились опять; революціонеры начинали дѣйствовать. Нежные изъ нихъ, привязанные къ Наполеону, изъ ненависти къ Бурбонамъ, которыхъ презирали, хотѣли объявить Наполеона диктаторомъ, надѣясь чрезвычайными мѣрами поднять народъ, какъ подняли его въ 1792 году. Но теперь это было невозможно. Тогда всеобщее возстаніе народа было единодушнымъ взрывомъ негодованія всей Франціи противъ несправедливыхъ угрозъ Европы; теперь же, наоборотъ, Европа обнаруживала негодованіе противъ Франціи.

Теперь же послышался и гомлъ роялистовъ, приверженцевъ бурбонской династіи. Правда, Франція почти уже забыла Бурбоновъ и боялась даже ихъ образа мыслей, но, утомленная имперіей и опасаясь республики, приходила къ убѣжденію, что эта династія, при хорошихъ законахъ, могла бы быть средствомъ какъ для избавленія деспотизма, такъ и анархій. Только немногіе, видѣвшіе гораздо далѣе, сомнѣвались въ этомъ предположеніи; масса же видѣла въ Бурбонахъ конецъ войны, налоговъ и всякимъ препятствіямъ для торговли.

Это всеобщее настроеніе и желаніе мира было тѣмъ не пріятнѣе Наполеону, что, по странному капризу судьбы, миръ, когда-то вполне зависѣвшій отъ него, теперь былъ недостижимъ, чѣмъ когда-нибудь прежде.

Европа, видя слабость и истощеніе Франціи, не легко согласилась бы теперь на миръ. Чтобы показать съ своей стороны желаніе мира, Наполеонъ рѣшился пожертвовать министромъ иностранныхъ дѣлъ, герцогомъ Бассано, замѣстивъ его Колентуромъ.

Сдѣлавъ еще нѣкоторыя другія незначительныя измѣненія въ администраціи, Наполеонъ приступилъ къ военнымъ приготовленіямъ. Прежде всего ему, конечно, нужны были люди и деньги. Но эти два существенные источника войны были уже совершенно истощены. Въ октябрѣ 1813 года, передъ отъѣздомъ своимъ изъ Дрездена въ Лейпцигъ, Наполеонъ поручилъ Маріи-Луизѣ согласить сенатъ на призывъ конскриптовъ 1815 года, что должно было дать 160,000 человекъ, и кромѣ того на экстраординарный наборъ уже освобожденныхъ конскриптовъ 1812, 1813 и 1814 годовъ, что составило бы еще

120,000 человекъ. Сенавъ такъ же покорно согласился выставить для Наполеона 280,000, какъ уже неоднократно выставлялъ ему и другія жертвы, погребенныя на равнинахъ Кастиліи, Германіи, Польши и Россіи.

Но предписать набѣръ было гораздо легче, нежели привести его въ исполненіе.

Между 280,000 человекъ, конскрипты призыва 1815 года не могли оказывать никакой существенной пользы. Благодаря забору людей въ армию прежде срока, эти конскрипты едва достигали 18 или 19 лѣтъ отъ роду: это были храбрыя, но слабыя дѣти, неспособныя переносить трудовъ и лишеній военной жизни. Европа уже видѣла такихъ дѣтей, цѣлыми тысячами погибавшихъ на большихъ дорогахъ и въ госпиталѣяхъ.

На этотъ разъ Наполеонъ хотѣлъ образовать изъ нихъ резервъ, который бы занималъ крѣпости и служилъ бы какъ депо. Слѣдовательно, можно было рассчитывать только на 120,000 человекъ. Но и ихъ трудно было собрать; вмѣсто 100,000, правительство могло рассчитывать не болѣе какъ на 60,000. Вмѣстѣ съ тѣмъ Наполеонъ рѣшился призвать подъ знамена всѣхъ освобожденныхъ отъ прежнихъ наборовъ, не исключая даже и женатыхъ людей.

Число такихъ людей могло доходить до 300,000, что, вмѣстѣ съ призванными уже конскриптами, составило бы около 600,000 человекъ.

Конечно, 600,000-й арміи было болѣе нежели достаточно для того, чтобы отравить коалицію; но кто могъ поручиться, что люди эти будутъ собраны? Наконецъ, собравъ 600,000-ю армію, нужно было снабдить ее всѣмъ необходимымъ для войны и платить ей жалованье. Между тѣмъ, въ финансовое управленіе, которое въ теченіе 15 лѣтъ велось съ примѣрною отчетливостію, вкрались, какъ и во всѣ прочія отрасли администраціи, злоупотребленія.

Въ такомъ положеніи для Наполеона оставалось только одно средство—прибѣгнуть къ увеличенію налоговъ. Выпрашивая у народа 600,000 человекъ для крайней необходимости, для безопасности государства, онъ, подъ тѣмъ же предлогомъ, надѣялся собрать до 80,000,000 фр., чѣмъ надѣялся удовлетворить по крайней мѣрѣ настоятельнымъ нуждамъ.

Но всѣ распоряженія Наполеона далеко не встрѣчали той быстрой исполнительности, какъ бывало прежде.

Вообще въ январѣ 1814 года Наполеонъ чувствовалъ, что уже прошло время, когда за его приказаніемъ исполненіе слѣдовало такъ же быстро, какъ за молніею громъ.

Такъ какъ читатели „Военнаго Сборника“ достаточно уже знакомы съ внутреннимъ состояніемъ Франціи въ это время, то мы не будемъ болѣе объ этомъ распространяться (*); а перейдемъ прямо къ дальнѣйшему описанію событій.

Готовясь къ отраженію непріятеля на границахъ, Наполеонъ, въ то же время, обратилъ вниманіе на итальянскую армію принца Евгенія и на испанскія войска Сульта и Сюне.

Но мы будемъ слѣдить за тѣми только арміями, которыя должны были дѣйствовать на рейнской границѣ. Предварительно же перейдемъ къ союзникамъ.

Ослабленіе Франціи было извѣстно союзникамъ, но не вполне, и прежнее могущество ея, какъ говорить г. Богдановичъ, „устрашая робкихъ, поражало бездѣйствіемъ порывы смѣлыхъ“. Гениальныя способности Наполеона и опасеніе всеобщаго возстанія французозъ на защиту страны побуждали многихъ вліятельныхъ лицъ коалиціи предлагать мѣры предосторожности на случай неудачи дальнѣйшихъ дѣйствій. Только императоръ Александръ настаивалъ на необходимости рѣшительно продолжать войну.

Австрійское правительство считало Наполеона достаточно ослабленнымъ и надѣялось, при заключеніи мира, получить безпрекословно свои прежнія области въ Германіи и значительную часть Италіи. Притомъ же ни императоръ Францъ, ни князь Шварценбергъ, по личнымъ своимъ качествамъ, не надѣялись играть первостепенной роли на поляхъ битвъ и въ совѣтахъ европейской коалиціи. Напротивъ, императоръ Александръ былъ безспорно главою союза, и русскіе, устоявъ одни на европейскомъ материкѣ противъ завоевателя, имѣли первый голосъ въ совѣтѣ; король же прусскій, будучи соединенъ съ императоромъ Александромъ тѣсною дружбою, всегда держалъ его сторону. Въ такихъ обстоятельствахъ, продолженіе войны, могшее служить къ упроченію преобладанія Россіи, казалось опаснымъ вѣнскому кабинету. Родство императора Франца съ Наполеономъ подавало Меттерниху надежду на заключеніе тѣснаго союза съ Франціею, для противодѣйствія Россіи и Пруссіи. Поэтому австрійцы были готовы прекратить военныя дѣй-

(*) См. № 1-й „Военнаго Сборника“ 1864 г.

ствія цѣною всевозможныхъ уступокъ французскому правительству.

Еще болѣе желали мира южно-германскіе владѣтели, члены распавшагося рейнскаго союза. Съ одной стороны они опасались, въ случаѣ возобновленія Германской имперіи, или раздѣленія Германіи на двѣ части: австрійскую и прусскую (какъ предлагалъ Штейнъ), потерять верховную власть надъ своими землями либо лишиться части ихъ при новомъ размежеваніи Европы, а съ другой ихъ тревожили народныя вооруженія, тугенбунды, и всякое проявленіе духа самостоятельности ихъ подданныхъ. Вообще владѣтели бывшаго рейнскаго союза, будучи предоставлены самимъ себѣ, не отличались усердіемъ къ дѣлу освобожденія Германіи. Многие изъ нихъ, нелюбимые своими подданными и недовѣрчивые имъ, опасались народныхъ вооруженій. Подобнаго рода опасеній, нисколько несогласныя съ народною пользою, подтверждаются многочисленными фактами. Достаточно будетъ упомянуть только о нѣкоторыхъ. Такъ король вюртембергскій, напримѣръ, не только затруднял формированіе ополченій изъ охотниковъ и ландвера, но даже хотѣлъ арестовать полковника Рюле, занимавшагося ихъ формированіемъ по порученію центральной комисіи. По его повелѣнію, во всей подвластной ему странѣ были отобраны у жителей ружья и даже запрещено имъ было держать у себя пистолеты. Въ такомъ же духѣ дѣйствовало въ Баваріи министерство Монжеласа; наследный же принцъ, преданный дѣлу Германіи, не имѣлъ никакого вѣса. Ганноверское правительство не озабочилось подать какую-либо помощь волонтерамъ, находившимся въ крайности. Герцогъ Кумберландскій сформировалъ павалерійскій полкъ, обращая преимущественное вниманіе на то, чтобы всѣ офицеры въ полку были дворяне. Вообще можно замѣтить, что изъ всѣхъ германскихъ князей только добросовѣстно исполняли свое дѣло относительно родины только тѣ владѣтели, которые менѣе всѣхъ другихъ имѣли значенія. Изъ числа такихъ владѣтелей принадлежали герцоги: саксонскіе и ангальтъ-дессаускіе, князья шварцбургскіе и липпе-бюкебургскіе, вольные города Бременъ и Любекъ.

Итакъ, только одна Пруссія была готова содѣйствовать императору Александру. Но и король Фридрихъ-Вильгельмъ полагалъ, что Наполеонъ, дѣйствуя въ собственной странѣ, могъ оказать весьма упорное сопротивленіе, и былъ того мнѣ-

нія, что не слѣдовало подвергать случайностямъ войны успѣховъ, пріобрѣтенныхъ дорогою цѣною.

Что касается до Англіи, то она была изнурена продолжительною войною, и государственный долгъ ея достигъ до чрезвычайныхъ размѣровъ—свыше 600 милл. ф. стерл. Въ концѣ 1813 года великобританское правительство могло и безъ продолженія войны достигнуть предположенныхъ имъ цѣлей: возстановленія законныхъ династій въ Испаніи, Голландіи, Неаполѣ и Пьемонтѣ, обладанія важными колоніями, совершеннаго уничтоженія континентальной системы. Въ ноябрѣ 1813 года, англійскія войска, подъ начальствомъ Веллингтона, вторгнулись въ южные департаменты Франціи. Въ то время союзныя арміи оставались еще въ бездѣйствіи на Рейнѣ, что подало поводъ англичанамъ привѣтствовать своего вождя именемъ „освободителя Европы“. Слѣдовательно, и меркантильныя выгоды и народная гордость англичанъ были вполне удовлетворены; послѣдующая же судьба Германіи интересовала англичанъ единственно потому, что англійскій король владѣлъ Ганноверомъ.

Изъ всего сказаннаго до сихъ поръ о союзникахъ, очевидно, что преобладающею въ европейскомъ совѣтѣ была партія мира. Несогласія между державами, соединившимися для войны противъ Франціи, и были причиною нерѣшительныхъ, колебательныхъ дѣйствій и продолжительнаго спокойствія въ концѣ 1813 года, проведенномъ въ переговорахъ и въ соглашеніяхъ. Мы не будемъ слѣдить за этими переговорами союзниковъ съ Франціею и между собою; потому что въ результатъ все-таки были военныя дѣйствія противъ Франціи. Однако ловкость Наполеона едва не увѣнчалась успѣхомъ въ его пользу. Среди переговоровъ, въ „Монитерѣ“ были напечатаны постановленія сената, показавшія, что во Франціи производились сильныя вооруженія. Наполеонъ, выказывая, что обладалъ еще огромными средствами для веденія войны, имѣлъ въ виду побудить союзниковъ къ болѣе уступчивости. И дѣйствительно, эта уловка едва не послужила въ пользу и безъ того уже преобладавшей партіи мира. Генераль Жюмини поставилъ на видъ, что ослабленіе Франціи, усиливъ Англію, могло быть опасно для Россіи, а наследный принцъ шведскій изъявлялъ открыто сомнѣніе въ успѣхѣ зарейнскаго похода. Но Блюхеръ и Гнейзенау, во главѣ партіи войны, твердо стояли на томъ, что слѣдовало неотлагательно вторгнуться за Рейнъ, идти къ Парижу, низло-

жить Наполеона, ограничить Францію по возможности тѣснѣйшими предѣлами и обложить ее значительною контрибуціею. Мирныя предложенія, сдѣланныя союзниками во Франкфуртѣ, возбудили въ высшей степени гнѣвъ Блюхера, а уклончивый отвѣтъ Наполеона заставилъ наконецъ замолчать партію мира. 19-го ноября (1-го декабря) появился наконецъ манифестъ, которымъ союзники объявили, что они ведутъ войну не противъ Франціи, а противъ ея властителя. Вслѣдъ затѣмъ начались и военныя дѣйствія.

Въ концѣ декабря новаго стилия войска Наполеона были расположены на лѣвомъ берегу Рейна слѣдующимъ образомъ: Для обороны теченія Рейна, на пространствѣ 800 верстъ, не считая гарнизоновъ въ крѣпостяхъ, было не болѣе 65,000 человекъ пѣхоты и 12,000 человекъ кавалеріи. Кромѣ того, въ Парижѣ, Брюсселѣ, Лиллѣ, Люксамбургѣ и Тіонвиллѣ формировались двѣ дивизіи старой гвардіи, шесть дивизій молодой и три дивизіи гвардейской кавалеріи, всего вмѣстѣ съ артиллеріею и войсками инженернаго вѣдомства около 28,000 человекъ. Въ крѣпостяхъ на Рейнѣ и въ Нидерландахъ находилось 56,000 человекъ. Слѣдовательно, число наполеоновскихъ войскъ вообще простиралось до 160,000 человекъ. Но большая часть ихъ состояла изъ людей, изнуренныхъ военными трудами и лишениями, либо изъ молодыхъ конскриптовъ, погибавшихъ прежде, нежели они успѣвали получить теоретическое образованіе. Примѣромъ тому можетъ служить 4-й пѣхотный корпусъ Морана, въ который съ ноября по 15-е декабря 1813 года поступило болѣе 18,000 новобранцевъ, а наличное число людей не превосходило 16,460 человекъ. По свидѣтельству Мармона, въ концѣ 1813 года 14,000 солдатъ и почти столько же гражданъ сдѣлались жертвами эпидеміи въ Майнцѣ. Несмотря на то, что температура вообще стояла выше точки замерзанія, изнуреніе войскъ оказало такое же пагубное вліяніе, какое имѣла стужа въ зимнемъ походѣ 1812 года. У многихъ солдатъ отвалились на ногахъ пальцы.

Такимъ образомъ, укомплектованіе французской арміи весьма затруднялось непомѣрною убылью въ людяхъ. Формированіе кавалеріи кромѣ того было неудобно по недостатку въ лошадяхъ, что заставило Наполеона уменьшить мѣру (менѣе двухъ аршинъ), положенную для ремонтрованія конной артиллеріи, и сформировать нѣсколько полковъ, посаженныхъ на мадорослыхъ

лошадей и вооруженных пиками, въ подражаніе казакамъ, подъ названіемъ *éclaireurs*.

Наполеонъ, видя, что, корпуса, формировавшіеся на Рейнѣ, замѣтно таяли, рѣшился образовать за ними сильный резервъ, кадрами котораго должны были послужить остатки его гвардіи. Эти войска, считавшія въ рядахъ своихъ, по отступленіи за Рейнъ, едва 12,000 человѣкъ пѣхоты, съ 4,000 кавалеріи, въ продолженіе полутора мѣсяца усилились до 28,000 человѣкъ. Такъ какъ въ числѣ ихъ было множество старыхъ солдатъ, способныхъ для обученія конскриптовъ, то Наполеонъ предполагалъ укомплектовать гвардію до 100,000 человѣкъ, поручивъ это дѣло знаменитому артиллерійскому генералу Друо. Разсчитывая, что союзники останутся на Рейнѣ до весны, Наполеонъ надѣялся къ тому времени усилить корпуса, стоявшіе на Рейнѣ, до 200,000 человѣкъ, что вмѣстѣ съ гвардіею составило бы трехсоттысячную армію. Кромѣ того, декретомъ 6-го января, определено было выслать на сборные пункты національную стражу въ составѣ ста-двадцати-одного баталіона.

Но, въ ожиданіи исполненія предположенныхъ мѣръ, войска, разбѣянные на огромномъ протяженіи, не могли остановить союзниковъ. Наполеонъ весьма хорошо зналъ слабость своихъ силъ и вове не надѣялся противопоставить наступающимъ союзнымъ арміямъ неодолимую преграду. Расположеніе французскихъ войскъ по Рейну имѣло въ виду единственно образовать, такъ сказать, завѣсу, которая, отдѣливъ непріятеля отъ Франціи, не позволяла ему ни собрать точныхъ свѣдѣній о затруднительномъ положеніи Наполеона, ни открыть сношеній съ враждебною правительству партіею роялистовъ. На сторонѣ союзниковъ было такое рѣшительно превосходство въ силахъ, что если бы они, по прибытіи на Рейнъ, безостановочно продолжали наступленіе, то, безъ всякаго сомнѣнія, достигли бы Парижа въ концѣ 1813 года. Бездѣйствіе же ихъ дало Наполеону время сплотить его разстроенную армію, воспользоваться разномысліемъ союзниковъ и нанести имъ весьма чувствительные удары.

Тѣмъ не менѣ вторженіе союзныхъ войскъ въ Голландію, во второй половинѣ ноября, весьма озаботило Наполеона и заставило его обратить туда лучшую часть остатковъ своей арміи. Такимъ образомъ, въ началѣ января 1814 года, для обороны Рейна, на всемъ пространствѣ отъ Майнца до Базеля,

оставались только корпуса Мармона и Виктора въ числѣ около 20,000 человекъ пѣхоты и 7,000 человекъ кавалеріи.

Что касается до союзниковъ, то въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, истекшихъ со времени пребыванія ихъ на Рейнѣ, войска ихъ были значительно усилены, какъ выставленными для сраженія ихъ германскими корпусами, такъ и подкрѣпленіями, прибывшими на укомплектованіе арміи коалиціи. Германскіе владѣтели, хотя и неохотно, однако все-таки вооружались противъ Наполеона. Одновременно съ тѣмъ изъ Пруссіи, Австріи и Россіи двигались къ Рейну многочисленныя резервы. Русская армія, несмотря на удаленіе свое отъ источниковъ средствъ, получала, благодаря дѣятельности Аракчеева, подкрѣпленія, вознагражденія съ избыткомъ потерю, понесенную на поляхъ Лейпцига.

Ни одна изъ коалицій, образовавшихся во время французской республики и наполеоновской имперіи, не располагала такими силами, какія въ концѣ 1813 года собирались на Рейнѣ. Союзныя войска, не считая арміи, дѣйствовавшей на Пиренейскомъ полуостровѣ и въ Италіи, вообще, были раздѣлены на три арміи: главную, силезскую и сѣверную. Изъ послѣдней, впрочемъ, участвовала въ зарейскомъ походѣ только часть, да и та вошла въ составъ блохеровской или силезской.

Въ главной арміи, бывшей подъ начальствомъ князя Шварценберга, состояли слѣдующія войска:

	Батал.	Эскадр.	Орудій,	Человѣкъ.
Австрийцевъ	128	157	372	всего 92,000
Русскихъ	74	99	210	— 61,400
Баварцевъ	30	30	76	— 25,000
Виртембергцевъ	15	16	24	— 14,000
Прусскихъ (гвардіи)	8	8	8	— 5,900
Всего	255	210	690	— 198,300

Впослѣдствіи же сюда должны были присоединиться 6-й и 3-й германскіе корпуса, что вмѣстѣ съ другими прибывшими подкрѣпленіями въ февралѣ мѣсяцѣ составило силу въ 232,207 человекъ, съ 722 орудіями.

Въ составѣ силезской арміи, бывшей подъ начальствомъ Блюхера, находились слѣдующія войска:

	Батал.	Эскадр.	Орудій.	Человѣкъ.
Русскихъ въ числѣ	78	64	232	56,000
Прусскихъ — —	68½	88	216	40,000
Всего	146½	152	448	96,000

Впослѣдствіи къ этой арміи должны были присоединиться 4-й и 5-й германскіе корпусы, что должно было составить силу въ 117,230 чел., съ 500 орудіями.

Изъ войскъ сѣверной арміи въ походъ во Францію участвовали: русскій корпусъ Винцингероде силою въ 36,000 человекъ, со 132 орудіями, и прусскій корпусъ Булова въ числѣ 30,000 человекъ, съ 96 орудіями; остальные войска этого корпуса — въ Голландіи, Бельгіи, подъ Гамбургомъ и на походъ къ Франціи. Такимъ образомъ, не считая войскъ, оставшихся назади, было собрано на Рейнѣ и въ Нидерландахъ воиновъ трехъ союзныхъ арміяхъ:

	Батал.	Эскадр.	Каз. полк.	Орудій.	Человѣкъ.
Русскихъ	193	210	65	574	153,000
Австрійцевъ	128	137	"	372	96,000
Пруссаковъ	120½	146	"	312	75,000
Германскихъ войскъ	86	61	"	156	62,350
Нидерландскихъ —	"	"	"	"	10,000
Англійскихъ —	"	"	"	"	9,000
Всего	527½	574	65	1,414	405,350

Если сюда присоединить остальные корпусы Германскаго Союза и сѣверной арміи, то общее число войскъ, выставленныхъ союзниками противъ Франціи со стороны Рейна, дойдетъ до 517,000 человекъ, съ 1,676 орудіями. Эта цифра увеличится еще болѣе и достигнетъ до 800,000 чел., при 2,000 орудіяхъ, если къ ней прибавить до 300,000 человекъ войскъ резервныхъ.

На основаніи составленнаго плана, рѣшено было, что большая часть главной арміи двинется между Вогезами и Юромъ къ латрскому плато; армія же Блюхера должна была направиться прямо отъ среднего Рейна; чрезъ Шалонъ и Витри, и наступать рѣшительно наравнѣ съ главною арміею. По составленному предположенію, въ 15-мъ января главная армія должна была прибыть къ Дангрену, а силезская къ Мецу. Дальнѣйшимъ предметомъ дѣйствій была назначена Парижъ. Корпуса Винцингероде и Булова должны были наступать отъ нижняго Рейна и дѣйствовать въ Нидерландахъ. Следовательно, на основа-

ніи плана дѣйствій, предполагалось вторгнуться во Францію на пространствѣ 700 верстѣ. Необходимо однако замѣтить, что союзники, несмотря на свою подавляющую численность, не могли двинуть къ Лангру и Мецу болѣе 200,000 человекъ; да и эти силы, будучи разобщены между собою естественными преградами, двигались не на одной высотѣ. Известно, что главнымъ образомъ планъ дѣйствій былъ составленъ въ видахъ, австрійскаго кабинета, для котораго весьма важно было черезъ Швейцарію открыть сообщеніе съ италіянскою арміею Бельгарда и такимъ образомъ упрочить за собою обладаніе Италіею. Занятіе же Швейцаріи давало въ руки австрійцамъ важнѣйшіе проходы въ Италію. Это желаніе австрійцевъ было до такой степени сильно, что они, невзирая на явное неудовольствіе императора Александра, нарушили нейтралитетъ Швейцаріи, вопреки желанію русскаго государя.

Съ 8-го на 9-е декабря 1813 года началась переправа чрезъ Рейнъ главной арміи, а 1-го января 1814 года начала переправляться у Мангейма, Кобленца и Майнца армія Блюхера. Въ одно время съ главною арміею должны были двинуться съ нижняго Рейна корпуса Бюлова и Винцингероде. Черезъ 24 дня со времени начала наступленія, главная армія перешла пространство отъ Рейна къ Объ, что составляетъ 220 верстѣ. Между тѣмъ, армія Блюхера въ 14 дней прошла болѣе 300 верстѣ, передвинувшись отъ Рейна къ Марнѣ.

До сихъ поръ союзныя арміи не встрѣтили ни малѣйшаго препятствія: слабые корпуса Мармона, Виктора и Нея отступали предъ превосходными силами союзниковъ и сосредоточились на пространствѣ между Шаломнѣ и Витри.

Переходъ непріятеля черезъ Рейнъ ясно показалъ Наполеону, что союзныя державы вовсе не желаютъ вступать съ ними въ переговоры. Теперь Наполеонъ увидѣлъ, что некогда будетъ сформировывать армію въ 600,000 человекъ, какъ это онъ предполагалъ прежде, и что придется отстаивать независимость Франціи съ тѣми войсками, которыя были въ эту минуту уже готовы.

Окончивъ свои занятія и распоряженія въ Парижѣ, Наполеонъ выѣхалъ къ арміи и 25-го января прибылъ въ Шаломна-Марнѣ, гдѣ былъ встрѣченъ Мармономъ и Неемъ. Хотя оба эти маршала никогда не боялись опасности, но теперь они были взволнованы. Имѣя подъ начальствомъ у себя слабые

остатки бывших когда-то корпусовъ и увѣренные, что вслѣдъ за Наполеономъ идутъ войска, оба они требовали подкрѣпленій. Но—увь!—позади императора не было войскъ.

Вслѣдъ затѣмъ Наполеонъ началъ объяснять маршаламъ свои планы и намѣренія; онъ говорилъ долго, горячо и убѣдительно. Казалось, что, подавленный горькими заботами въ Парижѣ, онъ, по прибытіи къ арміи, вновь сдѣлался солдатомъ и генераломъ, который, войдя въ свою сферу, видѣлъ средства тамъ, гдѣ другіе ихъ не замѣчали.

По словамъ Наполеона, всѣ его силы состояли изъ тѣхъ только войскъ, которыя были подъ начальствомъ маршаловъ. Слѣдовательно, они доходили до 60,000 подъ начальствомъ Мортье, Виктора, Мармона и Нея. Кромѣ того Макдональдъ подходилъ съ 15,000 человекъ, а въ Парижѣ и въ Труа формировались незначительныя силы пѣхоты и кавалеріи.

Однако Наполеонъ находилъ, что, противопоставляя 230,000 непріятельской арміи 60,000-ю французскую, все-таки еще было много шансовъ для успѣха. По его словамъ, непріятель хотя былъ и многочисленъ, но раздѣленъ, а потому и невозможно предположить, чтобы онъ не сдѣлалъ ошибокъ. Непріятельская армія дѣйствовала по двумъ операціоннымъ линіямъ отъ Базеля и Майнца. Независимо отъ этого раздѣленія, необходимаго для связи дѣйствій съ арміею, находившеюся въ Голландіи, обѣ арміи, какъ Блюхера, такъ и Шварценберга, были раздроблены вслѣдствіе обстоятельствъ второстепенныхъ. Блюхеръ раздѣлилъ свою армію, оставивъ части войскъ для блокированія Майнца и Метца, а Шварценбергъ наступалъ нѣсколькими отдѣльными колоннами. По мнѣнію Наполеона, было невозможно, чтобы раздробленныя такимъ образомъ арміи дѣйствовали согласна. Наконецъ, и самая мѣстность, куда они направлялись, способствовала союзникамъ дѣлать ошибки.

Союзныя арміи направлялись къ Парижу, къ вершинѣ угла, стороны котораго образуютъ рѣки Марна и Сена. Блюхеръ, двигаясь долиною Марны, находился въ это время въ Сень-Дизье, Шварценбергъ же направлялся долиною Сены.

По мнѣнію Наполеона, это былъ хорошій случай, чтобы быстро обратиться противъ одной изъ этихъ армій, все равно противъ которой. Сосредоточенныя войска Виктора, Мармона и Нея и усиленный отрядомъ Лесевра-Денуэтта могли двинуться къ Марнѣ, притянуть къ себѣ Жерара и Мортье и, со-

ставивъ, такимъ образомъ, 50,000-ю армію, броситься на Шварценберга. Это, по мнѣнію Наполеона, обѣщало успѣхъ. Тогда союзники пріостановили бы свое дальнѣйшее движеніе.

Въ случаѣ продолженія войны, можно бы было съ успѣхомъ маневрировать на пространствѣ между Сеною и Марною. Занявъ всѣ переправы на Сенъ и Марнъ, можно бы было распространить маневрированіе до Йоны. Наконецъ, между Сеною и Марною есть еще промежуточная линія Обы, которая, затрудняя атакующаго, облегчаетъ успѣхъ дѣйствій обороняющагося. Между тѣмъ, подошли бы войска извнутри Франціи и изъ Испаніи, а ободренное успѣхами населеніе воодушевилось бы.

„Итакъ, не все еще потеряно“, говорилъ Наполеонъ, и хотя онъ самъ не всему вѣрилъ, однако казался спокойнымъ и увѣреннымъ.

Между тѣмъ, несмотря на то, что союзники имѣли на своей сторонѣ огромное численное превосходство въ сравненіи съ силами Наполеона, превосходство положенія было на сторонѣ французовъ. Разбросанное положеніе союзной арміи значительно облегчало дѣйствія Наполеону. Обѣ союзныя арміи, въ день прибытія Наполеона въ Шалонъ, были растянуты на пространство 280 верстъ; даже по направленію своего пути дѣйствія части войскъ были такъ разобщены между собою, что, за исключеніемъ 50,000 человекъ, прочіе не могли вовсе принять участія въ первоначальныхъ дѣйствіяхъ.

Ко всему этому присоединились нерѣшительность и колебаніе, которыя до сихъ поръ уже неоднократно выручали Наполеона изъ весьма тяжкихъ обстоятельствъ и за которыя не разъ союзникамъ приходилось платить весьма дорого. Теперь въ союзномъ лагерѣ снова возникла мысль о переговорахъ. Нѣкоторые изъ вліятельныхъ лицъ считали, что достиженіе главною арміею лангренскаго плато должно быть крайнимъ предѣломъ дѣйствій, что дальнѣйшее движеніе соединено съ опасностію риска. По словамъ г. Богдановича, австрійскій императоръ и его министръ Меттернихъ болѣе Наполеона боялись преобладанія Россіи, возвышенія Пруссіи и народныхъ движеній въ Германіи. Для устраненія возможности подобныхъ явленій, они готовы были вернуться къ франкфуртскимъ предложеніямъ. Чтобы привлечь на свою сторону прочихъ участниковъ коалиціи, Меттернихъ, съ обычною ему изворотливостію, старался убѣдить ихъ въ пользѣ

составленныхъ имъ предположеній. Напротивъ того, король прусскій былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что Европа не могла наслаждаться прочнымъ миромъ, пока Наполеонъ оставался на престолѣ. Тѣмъ не менѣе Меттерниху удалось склонить въ свою пользу Гарденберга; къ тому же и между прусскими генералами нашлись жаркіе поборники меттерниховскихъ видовъ. Генераль Кнезебекъ, считавшійся большимъ стратегомъ, также полагалъ, что не слѣдуетъ переходить за Лангръ. По его словамъ, наступленіе Наполеона отъ Смоленска къ Москвѣ нанесло ему вредъ; то же самое должно случиться съ союзниками, если они двинутся къ Парижу.

Гораздо труднѣе было австрійскому министру убѣдить въ основательности своего мнѣнія англійскихъ дипломатовъ Калкарта и Эбердина; однако и это наконецъ ему удалось. Находясь однажды на вечерѣ у Меттерниха, Эбердинъ выразилъ убѣжденіе, что недостойно было бы Англии отказаться отъ условій, ею самою предложенныхъ во Франкфуртѣ. Повидимому, англичане, съ одной стороны, хотѣли предупредить преобладаніе Россіи, а съ другой страшились упрека оппозиціи въ напрасномъ продолженіи войны и неудовольствія народа, тяготившагося бременемъ налоговъ и огромнымъ государственнымъ долгомъ. Что же касается русскихъ, то графъ Нессельроде и нѣкоторые изъ генераловъ также пристали къ мнѣнію Меттерниха.

Мы не будемъ далѣе описывать всѣхъ этихъ колебаній, весьма подробно и рельефно выставленныхъ г. Богдановичемъ, а скажемъ только, что, благодаря исключительно твердости и рѣшительности императора Александра, союзники рѣшились продолжать наступленіе.

Между тѣмъ, 14-го (26-го) января Наполеонъ выступилъ отъ Витри къ Санъ-Дизье; 15-го этотъ городъ былъ занятъ французами.

Здѣсь отъ плѣнныхъ и отъ мѣстныхъ жителей, съ свойственными ему искусствомъ и соображеніемъ, Наполеонъ добился точныхъ извѣстій: оказалось, что Блюхеръ, во главѣ около 30,000 войскъ, хочетъ соединиться съ войсками, преслѣдовавшими Мортье. Изъ этого онъ увидѣлъ, что ему удалось совершенно случайно разбить армію Блюхера на двѣ части. Не желая упускать удобнаго случая, чтобы разбить войска Блюхера по частямъ, онъ тотчасъ свернулъ вправо и двинулся къ

Монтъерандеру, съ тѣмъ, чтобы оттуда продолжать движеніе къ Бриенни. Наканунѣ былъ морозъ, а 28-го числа шелъ дождь. Вслѣдствіе этого переходъ войскъ по просекачымъ дорогамъ былъ сопряженъ съ величайшимъ затрудненіемъ. Повсюду на пути своемъ Наполеонъ встрѣчалъ разореніе и опустошеніе.

29-го числа Наполеонъ, съ корпусами Виктора, Нея и Жерара, подошелъ къ Бриенни. Сраженіе, происшедшее въ этотъ день, въ два часа поблудни, продолжалось до вечера и кончилось тѣмъ, что французы заняли бриенскій замокъ, а русскіе держались въ городѣ. По словамъ Тьера, нравственное вліяніе послѣ сраженія было на сторонѣ французовъ. Деморализованные вначалѣ солдаты стали снова ободряться и подъ вліяніемъ Наполеона получать увѣренность и привычку къ побѣдамъ. Но это врядъ-ли справедливо. Самъ же г. Тьеръ говоритъ, что „замѣшательство послѣ сраженія было такъ велико, что Наполеонъ не рѣшился ночевать въ замкѣ, а отправился на ночлегъ въ сосѣднюю деревню. Но и эта деревня была одну минуту въ опасности отъ казаковъ, возвращавшихся на свой бивуакъ, такъ что Наполеонъ и тутъ едва не попался въ плѣнъ“.

Итакъ, первая встрѣча союзныхъ войскъ съ Наполеономъ на французской территоріи была не въ пользу французовъ. Не успѣвъ въ своемъ намѣреніи отдѣльно разбить разобщенныя части союзной арміи, Наполеонъ не отступилъ, а 30-го числа сосредоточилъ свою армію на позиціи при Ларотьерѣ.

Между тѣмъ, Блюхеръ началъ отступать къ Траннъ. Шварценбергъ, узнавъ о наступленіи Наполеона, сталъ сосредоточивать свою армію и часть ея послалъ на подкрѣпленіе Блюхера. 30-го января у Ларотьера сосредоточилось болѣе 130,000 союзныхъ войскъ, изъ которыхъ, впрочемъ, только 90,000 принимали участіе въ сраженіи. У Наполеона же было 50,000.

1-го февраля произошло второе сраженіе союзниковъ съ Наполеономъ. Послѣ долгаго и упорнаго сопротивленія, французы должны были уступить весьма значительному превосходству союзниковъ, и 2-го февраля Наполеонъ, подъ прикрытіемъ сильнаго аріергарда, которымъ командовалъ Ней, отступилъ къ Лемону, 4-го къ Труа, а 6-го къ Ножану.

Въ дѣлѣ при Ларотьерѣ французы потеряли до 6,000 человекъ и 63 орудія. У союзниковъ потеря простиралась также до 6,000 человекъ.

Въ одно время съ военными дѣйствіями происходили и мир-

ные переговоры въ Шатильонѣ, гдѣ для Франціи были предложены столь тяжелыя условія, что Наполеонъ не хотѣлъ на нихъ согласиться.

Союзники, воодушевленные первыми успѣхами на французской почвѣ, рѣшились дѣятельно продолжать военныя дѣйствія. Въ скоромъ времени Наполеонъ началъ получать самыя неблагоприятныя извѣстія. Шварценбергъ наступалъ долиною Сены; Макдональдъ, который долженъ былъ держаться у Шалона, принужденъ былъ отступить къ Шато-Тьерри, а казаки показывались уже въ окрестностяхъ Фонтенбло. Толпы бѣглецовъ, разсѣянныхъ между Мо и Парижемъ, увеличивали общее смутеніе и страхъ. Даже Вандея, до сихъ поръ спокойная, начинала волноваться. Испуганная императрица, опасаясь за участь императора и своего сына, была въ страшной тревогѣ. По Парижу разнесся слухъ, что дворъ скоро оставитъ столицу, чтобы отправиться на Луару, и около Тюльери ежедневно стала собираться безпокойная толпа.

Все это только раздражало, но не поколебало Наполеона. Тамъ, гдѣ его подданные видѣли причины страха и безпокойства, онъ усматривалъ надежду. Опасность, угрожавшая Макдональду, и его преслѣдованіе союзниками заставляли Наполеона думать, что союзныя арміи опять раздѣлились и одна изъ нихъ двигается долиною Марны. А этого онъ только и желалъ. Чтобы зорче слѣдить за неприятелемъ и быть въ состояніи воспользоваться каждою его ошибкою, Наполеонъ выдвинулъ Мармона къ Арсису и приказалъ ему наблюдать за пространствомъ до Сезана и Феръ-Шампенуаза.

Между тѣмъ, волненіе въ столицѣ возрастало все болѣе и болѣе. Каждое извѣстіе объ отступленіи Макдональда передъ Блюхеромъ, приносимое бѣглецами, распространяло ужасъ. Іосифъ, братъ императора, потребовалъ отъ Наполеона инструкцій и получилъ приказаніе защищать Парижъ до послѣдней крайности. Вслѣдъ затѣмъ, 8-го (20-го) февраля, онъ приказалъ отправить императрицу, римскаго короля, министровъ и императорскую казну на Луару.

Ожиданія Наполеона оправдались какъ нельзя лучше. Онъ зналъ, что рано или поздно союзники сдѣлаютъ ошибку, которая дастъ ему возможность поправить дѣло. И дѣйствительно, въ скоромъ времени, сраженія при Шампоберфъ, Монмиралъ, Шато-Тьерри, Этожъ и Вошанъ напомнили собою лучшія по-

бѣды Наполеона и произвели сильное впечатлѣніе на многочисленную союзную армію.

Съ 3-го по 8-е февраля Наполеонъ слѣдилъ за союзниками, сначала изъ Труа, а потомъ изъ Ножана, и съ нетерпѣніемъ ждалъ съ ихъ стороны промаховъ. Въ скоромъ времени онъ дождался. На другой день послѣ сраженія при Ларотьерѣ, союзники созвали въ Бриеннѣ военный совѣтъ, на которомъ рѣшили обсудить средства, окончательно поразить Наполеона. По ихъ мнѣнію, положеніе Наполеона было отчаянное. Однако, какъ ни было его положеніе отчаянно, они все-таки не рѣшались встрѣчаться съ нимъ лицомъ къ лицу. Они хотѣли маневрировать такъ, чтобы, стягивая свои арміи постепенно къ Парижу, подавить непріятели превосходствомъ своихъ силъ, подобно тому, какъ сдѣлали они это подъ Лейпцигомъ. На совѣтъ предположено было, чтобы Блюхеръ, сосредоточивъ корпуса Горка, Клейста и Ланжерона, двинулся съ ними къ Парижу долиною Марны, отгѣснилъ къ Мо и Парижу Макдональда и, ставъ, такимъ образомъ, въ тылу Наполеона, заставилъ бы его отступить. Въ то же время Шварценбергъ съ своею арміею преслѣдовалъ бы Наполеона долиною Сены. Для связи же между обѣими арміями, въ Сезанъ (*) должно было выслать казачій отрядъ Сеславина, силою въ 2,000 человекъ (**).

Сообразно съ принятымъ планомъ Шварценбергъ началъ движеніе вслѣдъ за Наполеономъ и, подвигаясь весьма медленно, занялъ Труа своими передовыми войсками. Въ то же время и Блюхеръ началъ наступленіе къ Мо долиною Марны. Неизвѣстно вслѣдствіе какихъ соображеній, только отрядъ Сеславина, главное назначеніе котораго состояло въ томъ, чтобы, находясь между Блюхеромъ и Шварценбергомъ, охранять сообщенія между ними, былъ отозванъ изъ Сезана. Черезъ это Блюхеръ, лишенный связи съ Шварценбергомъ, былъ предоставленъ теперь самому себѣ и дѣйствовалъ совершенно отдѣльно.

Наполеонъ только этого и ждалъ. Какъ тигръ, выжидающій своей добычи, онъ долго слѣдилъ за движеніями противниковъ и долго выбиралъ себѣ добычу между Блюхеромъ и Шварценбергомъ; наконецъ рѣшился двинуться противъ Блюхера.

Получивъ немного подкрѣпленій изъ Парижа, онъ оставилъ

(*) Промежуточный пунктъ между долинами Сены и Марны.

(**) По словамъ Тьера, 6,000 человекъ; но это несправедливо.

противъ Шварценберга Виктора и Удино, а самъ съ остальными войсками двинулся къ Сезану.

Для лучшаго объясненія дѣйствій Наполеона, мы скажемъ нѣсколько словъ о мѣстности, чтобы и безъ карты можно было представить долину Марны.

Между двумя городами, Шалономъ и Лаферте-су-Жуаромъ, лежащемъ на сѣверо-западъ отъ Шалона и въ прямомъ разстояніи около 80 верстъ одинъ отъ другаго, рѣка Марна на сѣверо-западъ, образуетъ пологую дугу къ сѣверо-востоку. Изъ Шалона къ Лаферте-су-Жуаръ, которые оба находятся на правомъ берегу Марны, ведутъ двѣ дороги, которыя у этого города соединяются въ одну, ведущую къ Парижу. Одна изъ этихъ дорогъ идетъ по лѣвому берегу Марны на Эперне и Шато-Тъери, гдѣ переходитъ на правый берегъ рѣки и доходитъ до Лаферте (*). Другая дорога изъ Шалона идетъ южнѣе, образуя дугу къ юго-западу. На этой дорогѣ лежатъ: Этожъ въ 27, Шампоберъ въ 35, Вошанъ въ 45 и Монмираль въ 50 верстахъ отъ Шалона. Монмираль, находящійся въ прямомъ направленіи къ югу отъ Шато-Тъери, соединяется дорогою съ этимъ пунктомъ, а Шампоберъ съ Эперне. Наконецъ къ югу отъ Шампобера, въ 16 верстахъ отъ него, лежитъ Сезанъ, куда двигался Наполеонъ.

Въ то время, когда Наполеонъ двигался противъ Блюхера, армія послѣдняго была раздроблена на части. Корпусъ Юрка преслѣдовалъ отступавшаго Макдональда на Эперне и Шато-Тъери. Желая совершенно отрѣзать путь Макдональду, Блюхеръ направилъ Сакена чрезъ Монмираль къ Лаферте-су-Жуаръ, а въ одномъ переходѣ за Сакеномъ шелъ Олсуфьевъ; Клейстъ же и Капцевичъ еще не подходили къ Шалону. Надо замѣтить, что Сакенъ, находившійся у Лаферте, не успѣлъ предупредить Макдональда, который, отступивъ въ Мо, уничтожилъ за собою мосты.—Юркъ же дошелъ до Шато-Тъери. Изъ этого расположенія войскъ Блюхера видно, что первый ударъ Наполеона долженъ былъ пасть на Олсуфьева, который, съ шеститысячнымъ отрядомъ, былъ расположенъ въ это время у Шампобера.

Олсуфьевъ зналъ о движеніи Наполеона и неоднократно доносилъ о томъ Блюхеру. Но Блюхеръ никакъ не думалъ, чтобы это былъ самъ Наполеонъ: онъ полагалъ, что это какой-

(*) Эперне лежитъ въ 25, а Шато-Тъери въ 60 верстахъ отъ Шалона.

нибудь партизанскій отрядъ. „Ваши опасенія напрасны—писалъ онъ Олсуфьеву—Наполеона здѣсь быть не можетъ; въ отрядѣ, дѣйствующемъ противъ васъ, не болѣе 2,000 человекъ, предводимыхъ какимъ-нибудь смѣлымъ партизаномъ.“ (*)

Между тѣмъ, 10-го февраля (29-го января), Наполеонъ какъ снѣгъ на голову ударилъ на Олсуфьева, окружилъ его со всѣхъ сторонъ, взявъ болѣе четвертой части плѣнными, въ томъ числѣ и самого Олсуфьева; остатки отступили по направленію къ Шалону.

Но не столь важенъ былъ для Наполеона этотъ результатъ въ матеріальномъ отношеніи, сколько въ нравственномъ. Отъ плѣнныхъ онъ узналъ, что совершенно раздѣлилъ армію Блюхера на части. Это обрадовало Наполеона до такой степени, что онъ сдѣлался необыкновенно веселымъ. Вечеромъ за ужиномъ онъ говорилъ:

— Если завтра я буду такъ же счастливъ, какъ сегодня, то въ двѣ недѣли отброшу непріятеля до Рейна; а отъ Рейна до Вислы только одинъ шагъ (**).

Неожиданный ударъ показалъ Блюхеру, что противъ него идетъ дѣйствительно самъ Наполеонъ, а не партизанъ, какъ онъ думалъ вначалѣ. Вслѣдствіе этого онъ началъ сосредоточивать свои войска. Сакену и Юрку приказано было двинуться на Монмираль, соединить свои войска и оттуда идти къ Вертю, куда приказано было спѣшить Клейсту и Капцевичу.

Но Наполеонъ былъ не такой человекъ, который бы не умѣлъ воспользоваться послѣдствіями своихъ распоряженій и дозволилъ бы непріятелю безнаказанно исправить разъ сдѣланную ошибку.

На слѣдующій же день, 11-го февраля, оставивъ у Этожа Мармона съ 5,000 противъ войскъ Блюхера, шедшихъ отъ Шалона, онъ съ остальными, въ числѣ съ небольшимъ 18,000, двинулся влѣво и, пройдя Монмираль, прежде чѣмъ къ этому городу успѣлъ подойти Сакенъ, занявъ дорогу и отрѣзавъ Сакена отъ Юрка. Сакенъ узналъ о занятіи города, но вмѣсто того, чтобы движеніемъ влѣво соединиться съ Юркомъ и потомъ уже пробиваться совокупными силами, рѣшился идти къ Монмиралю одинъ.

(*) Михайловскій-Даниловскій, стр. 73.

(**) Тьеръ, т. XVII, стр. 338.

Результатъ былъ тотъ же, что и при Шампоберѣ. Сакенъ, имѣя 14,000 человекъ и 84 орудія, былъ разбитъ, и теперь сдѣлалъ то, что слѣдовало исполнить ранѣе — отступилъ къ Шато-Тьери.

Теперь очередь доходила до Юрка. На другой же день, 12-го февраля, Наполеонъ, преслѣдуя Сакена къ Шато-Тьери, встрѣтился съ Юркомъ и разбилъ его. Юркъ, вмѣстѣ съ Сакеномъ, переправился за Марну, уничтоживъ за собою мосты.

Наполеонъ хотѣлъ ихъ преслѣдовать, но, получивъ извѣстіе, что Блюхеръ тѣснитъ Мармона, направился къ Этожу, предоставивъ Мортье преслѣдованіе и приказавъ суассонскому коменданту выйти навстрѣчу.

Долгое время Блюхеръ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній ни о Сакенѣ, ни о Юркѣ. Наконецъ, въ день монмиральскаго сраженія, подошли къ нему корпуса Клейста и Капцевича. 13-го февраля онъ двинулся къ Этожу, оттѣснилъ Мармона до Вошана и уже готовъ былъ преслѣдовать далѣе, но въ это время показался Наполеонъ съ гвардіею. Въ одну минуту дѣло приняло совершенно другой оборотъ. Михайловскій-Данилевскій говорить, что для тѣхъ, кто не бывалъ въ дѣлахъ, гдѣ начальствовалъ Наполеонъ, трудно изобразить, до какой степени присутствіе его и личныя его распоряженія измѣняли видъ сраженія. Кавалерійскія атаки производились быстро, цѣпи стрѣлковъ рѣдѣли и мѣсто ихъ заступали густыя колонны пѣхоты, на батареяхъ увеличивалось число орудій, огонь становился сильнѣе, адъютанты скакали по всѣмъ направленіямъ, и воздухъ оглашался повсемѣстными восклицаніями: „En avant! vive l'empereur!“ (*)

Такъ было и здѣсь. Едва только показался Наполеонъ, какъ Мармонъ тотчасъ же перешелъ въ наступленіе, а немного спустя Блюхеръ былъ уже въ полномъ отступленіи. Теперь началось образцовое преслѣдованіе разбитой арміи. Нѣсколько разъ кавалерія французская обскакивала Блюхера съ тылу, на каждомъ шагу затрудняла ему отступленіе, и только позднее прибытіе артиллеріи, не успѣвавшей за кавалеріею, было причиною, что войска Блюхера отступили и не были окружены совершенно.

Извѣстіе о дѣйствіяхъ арміи Шварценберга заставило Наполеона двинуться къ Сенѣ. Но отбытіе Наполеона не спасало

(*) „Описаніе похода во Францію въ 1814 году“, стр. 83.

еще арміи Блюхера. Разбитые корпуса Сакена и Юрка отступали передъ Мортье къ Суассону, гдѣ ихъ ожидалъ сильный гарнизонъ крѣпости. Уже комендантъ готовился выйти на встрѣчу непріятеля, какъ вдругъ съ сѣвера подошли русскія войска, шедшія отъ Намюра на соединеніе съ арміею Блюхера, и взяли Суассонъ. Положеніе арміи Блюхера сдѣлалось уже не такъ опаснымъ, и всѣ разбитые его корпуса, 16-го февраля, соединились въ Шалонѣ.

По словамъ Тьера, въ сраженіяхъ при Шампоберфѣ, Монмираля, Шато-Тьеры, Этожѣ и Вошанѣ Блюхеръ потерялъ до 28,000 человекъ. Очевидно, что это нѣсколько преувеличено. Общая потеря доходила до 20,000 и болѣе 50 орудій. Тьеръ говоритъ, что Наполеонъ отправилъ 18,000 плѣнныхъ въ Парижъ (*), чтобы жители столицы лично могли удостовѣриться въ успѣхахъ французской арміи и въ пораженіяхъ союзниковъ. По словамъ г. Богдановича, дѣла въ долинѣ Марны стояли союзникамъ отъ 15 до 16,000 человекъ и 38 орудій.

Итакъ, Наполеонъ въ четыре дня разгромилъ армію Блюхера и отбросилъ его отъ Парижа. Это былъ яркій проблескъ его славы, напомнившій собою лучшіе годы его военной карьеры.

Обратимся къ Шварценбергу и посмотримъ, что онъ дѣлалъ въ то время, когда Наполеонъ разбивалъ Блюхера по частямъ.

Мы уже сказали, что, при движеніи своемъ противъ Блюхера, Наполеонъ оставилъ противъ Шварценберга Виктора и Удино. Оба эти маршала были отгѣснены и расположились недалеко уже отъ Парижа. Союзники переправились чрезъ Сену, и передовыя войска ихъ заняли Морманъ, Донмари и Провенъ; главныя же силы оставались въ Труа.

Едва только Наполеонъ узналъ о дѣйствіяхъ Шварценберга, какъ тотчасъ же, оставивъ противъ Блюхера Мармона и Мортье, съ остальными 12,000 человекъ выступилъ, 3-го (15-го) числа, въ Гинь. Пѣхота его двигалась частію на подводахъ, кавалерія же шла почти безъ отдыха. Сдѣлавъ, такимъ образомъ, въ тридцать-шесть часовъ 100 верстъ, Наполеонъ, 5-го (17-го) числа, соединился съ Викторомъ и Удино и, сосредоточивъ всего до 47,000 человекъ, тотчасъ же двинулся противъ союзниковъ.

(*) Napoléon dirigea tout de suite sur Paris les 18,000 prisonniers qu'il avait fait... Стр. 358.

Впереди всѣхъ, у Мормана, былъ расположенъ графъ Паленъ.

Въ этотъ день французская армія сбила Палена съ позиціи у Мормана и достигла Нанжиса. Вслѣдъ затѣмъ Наполеонъ тремя колоннами направился къ переправамъ на Сенъ: Ножану, Бре и Монтро. Когда въ главной квартирѣ получено было извѣстіе о пораженіи Палена, то собранный военный совѣтъ рѣшилъ первоначально оборонять линію Сены, измѣнилъ это рѣшеніе и выбралъ другое, вслѣдствіе котораго были приняты всѣ мѣры къ обезпеченію отступленія въ Труа.

„Одновременно съ этими распоряженіями—говорить г. Богдановичъ — союзники, волнуемые опасеніями и отчасти желавшіе прекращенія войны, сдѣлали весьма неловкій шагъ, предложивъ Наполеону перемиріе. Предлогомъ къ тому послужилъ запросъ Коленкура союзникамъ: могла ли Франція надѣяться на немедленное прекращеніе военныхъ дѣйствій, въ случаѣ согласія ея ограничиться старыми предѣлами? Въ отвѣтъ на этотъ отзывъ, князь Шварценбергъ послалъ одного изъ своихъ адъютантовъ, полковника графа Паара, къ Бертье съ письмомъ слѣдующаго содержанія: „Вслѣдствіе полученнаго мною вчера извѣстія, что уполномоченные союзныхъ державъ согласны подписать перемиріе на условіяхъ, предложенныхъ уполномоченными Франціи и принятыхъ союзными монархами, отданы мною приказанія немедленно прекратить наступательныя движенія противъ французскихъ войскъ. Несмотря однако на то, дошло до моего свѣдѣнія, что съ вашей стороны они продолжаются, и потому, желая положить конецъ напрасному кровопролитію, прошу равномѣрно прекратить военныя дѣйствія; въ противномъ же случаѣ я принужденъ буду возобновить наступленіе, прерванное въ надеждѣ заключенія мирныхъ условій“. Такое предложеніе, не говоря уже о двуличіи, должно было выолить выказать Наполеону вліяніе одержанныхъ имъ успѣховъ на князя Шварценберга и отнюдь не могло побудить къ уступчивости. Графъ Пааръ прибылъ въ Нанжисъ, гдѣ тогда находилась главная квартира непріятельской арміи, именно въ то время, когда Наполеонъ, упоенный недавними побѣдами, отмѣнилъ данное имъ прежде Коленкуру полномочіе — заключить миръ на условіяхъ, предложенныхъ союзниками, и въ письмѣ къ нему преувеличилъ выше всякой мѣры свои успѣ-

хи. „У меня—писалъ онъ—отъ 30 до 40 тысячъ человѣкъ; я взялъ 200 орудій, большое число генераловъ и уничтожилъ многія арміи, почти не сражаясь. Вчера я побилъ армію князя Шварценберга и надѣюсь истребить ее прежде, нежели она уйдетъ за наши границы.... Я одержалъ успѣхи необъятные, успѣхи такіе, какимъ ничего не представляетъ подобнаго двадцатилѣтнее довольно блистательное военное поприще.“ Тѣмъ не менѣе однако Наполеонъ изъявлялъ желаніе мира, но только на тѣхъ условіяхъ, какія предлагалъ Меттернихъ во Франкфуртѣ, хотя, по словамъ Наполеона, союзники не могли ожидать такихъ уступокъ, потому что положеніе Франціи сдѣлалось несравненно выгоднѣе теперь, нежели было тогда, когда шла рѣчь объ упомянутыхъ условіяхъ. Затѣмъ Наполеонъ писалъ, что, несмотря на то, онъ готовъ прекратить военныя дѣйствія и *дозволить* союзникамъ *отойти* за Рейнъ, если они подпишутъ миръ на основаніяхъ, предложенныхъ во Франкфуртѣ. Впрочемъ, какъ будто бы изъ опасенія выказать большую уступчивость, Наполеонъ напомнилъ Коленкуру, что онъ долженъ стараться о заключеніи мира, но не подписывать ничего безъ приказанія; „потому—писалъ онъ—что никто кромѣ меня не знаетъ моего положенія“.

Изъ всего этого видно, что Коленкуръ не имѣлъ никакого полномочія на заключеніе мира и что Наполеонъ въ нѣсколькихъ переходахъ отъ своей столицы, точно такъ же, какъ за полгода предъ тѣмъ, на берегахъ Эльбы, подчинялъ свои политическіе расчеты не столько зрѣлому обсужденію обстоятельствъ, сколько увлеченію военными успѣхами.

Появленіе графа Паара въ главной квартирѣ французской арміи окончательно отуманило гордаго завоевателя. Въ его пылкомъ воображеніи представились времена торжествъ при Аустерлицѣ и Іенѣ. Въ такомъ настроеніи духа онъ писалъ, 6-го (18-го), къ своему брату королю Іосифу: „Наконецъ князь Шварценбергъ проявилъ признаки жизни: онъ прислалъ парламентаря съ просьбою о перемиріи. Трудно быть низкимъ до такой степени.... До сихъ поръ союзники отклоняли самымъ оскорбительнымъ образомъ всякое предложеніе о перемиріи и даже не принимали нашихъ парламентарей, а при первой неудачѣ эти жалкіе люди падаютъ на колѣни“. Далѣе Наполеонъ писалъ своему брату, что онъ не согласится ни на какое перемиріе, пока союзники не очистятъ его владѣній. По его

миѣнію, согласіе императора Александра на возобновленіе переговоровъ было явнымъ признакомъ того, что союзники отчаялись въ успѣхѣ и были готовы заключить миръ на условіяхъ, предложенныхъ во Франкфуртѣ, составляющихъ крайній предѣлъ мира, который можно было принять съ честью. „До начатія дѣйствій я предложилъ имъ миръ на условіяхъ старыхъ границъ Франціи, съ тѣмъ, чтобы они немедленно остановились. Это предложеніе было сдѣлано герцогомъ виченцскимъ 8-го. Они отвѣчали отказомъ, говоря, что даже подписаніе предварительныхъ статей не остановитъ дѣйствій, которыя могутъ быть прекращены только по утверженіи всѣхъ мирныхъ условій. Этотъ непостижимый отвѣтъ былъ наказанъ, и вчера, 17-го, они сами просили о перемиріи. Весьма понятно, что наканунѣ сраженія, въ которомъ я рѣшился побѣдить или погибнуть, и когда подвергалась явной опасности моя столица, я согласился бы на все, чтобы избѣжать угрожавшей опасности. Я долженъ былъ принести въ жертву мое самолюбіе для моего семейства и народа; но какъ только они отказали мнѣ, какъ только послѣдствія сраженія не могутъ быть страшны для моей столицы и всѣ вѣроятности успѣха на моей сторонѣ, то польза государства и собственная моя слава требуютъ, чтобы я домогался дѣйствительнаго мира. Если бы я согласился ограничить Францію старинными предѣлами, то черезъ два года вооружился бы снова, объявивъ моему народу, что я подписалъ не мирный договоръ, а вынужденную капитуляцію.“

Въ тотъ же день Наполеонъ писалъ вице-королю италійскому о своей побѣдѣ, жалуясь на Виктора, помѣшавшаго ему „уничтожить баварскія и вюртембергскія войска до послѣдняго человѣка“ (?). Въ такомъ случаѣ, по словамъ его, остались бы противъ него только австрійцы, „плохіе солдаты, сволочь, которую разогналъ бы онъ плетью“ (*).

Между тѣмъ, на военномъ совѣтѣ 5-го (12-го) февраля, союзники рѣшили, что войска принца вюртембергскаго перейдутъ Сену у Монтро и будутъ оборонять переправу. Однако 6-го февраля французскія войска, подъ личнымъ начальствомъ Наполеона, сбили вюртембергцевъ съ позиціи и на ихъ плечахъ ворвались въ городъ. Французская армія заняла Монтро, а главная квартира Наполеона расположилась въ сюрвилльскомъ замкѣ. Князь Шварценбергъ, еще до полученія извѣстія объ

(*) Богдановичъ, стр. 235—238.

этомъ пораженіи, рѣшился уже отвести свои войска къ Труа и Арси и открыть сообщеніе съ Блюхеромъ, которому, 6-го числа, послано было приказаніе примкнуть къ правому флангу главной арміи. Главная квартира союзныхъ монарховъ была переведена въ Труа.

Два дня оставался Наполеонъ въ сюрвилльскомъ замкѣ, и здѣсь узналъ онъ о ходѣ переговоровъ въ Шатильонѣ. Коленкуръ совѣтовалъ Наполеону помириться, получивъ что-нибудь виѣ границы 1790 года, а не гоняться за такъ называемыми естественными границами. Наполеонъ отвѣчалъ на это слѣдующими словами: „По прибытіи въ Труа или Шатильонъ, я сообщу вамъ мои намѣренія; но, во всякомъ случаѣ, для меня лучше потерять Парижъ, нежели слышать, что дѣлають такія предложенія французскому народу. Вы все толкуете о Бурбонахъ; а по мнѣ пусть лучше будутъ во Франціи Бурбоны на сходныхъ условіяхъ, нежели я приму безчестныя предложенія, о которыхъ вы мнѣ пишете“ (*).

Несмотря на то, что у князя Шварценберга было подъ рукою 150,000, тогда какъ у Наполеона только 60,000, австрійскому генералиссимусу такое число казалось недостаточнымъ, и онъ рѣшился выждать присоединенія къ себѣ Блюхера, который обѣщалъ прибыть къ главной арміи 9-го февраля. Но и это было признано недостаточнымъ. Едва только извѣстился князь Шварценбергъ о наступленіи вверхъ по Сенѣ войскъ маршала Ожеро, какъ австрійскій штабъ вообразилъ, что, въ случаѣ генеральнаго сраженія, Ожеро отрѣжетъ главной арміи путь отступленія къ Рейну; поэтому рѣшено было отступать за Сену, и только прибытіе къ Мери Блюхера остановило ничѣмъ неоправдаваемое отступленіе. По словамъ г. Богдановича, Шварценбергъ пытался произвести большую рекогносцировку, подобную той знаменитой рекогносцировкѣ, которая была причиною пораженія союзниковъ подъ Дрезденомъ. Къ счастью для союзниковъ, рекогносцировка не состоялась. 10-го февраля Наполеонъ развернулся передъ союзною арміею, разобщенною рѣкою Сеною, и хотѣлъ дать сраженіе; но Шварценбергъ, въ ночь съ 10-го на 11-е, отступилъ. Въ оправданіе нерѣшительности своихъ дѣйствій, австрійскій фельдмаршалъ ссылался на возможность поголовнаго возстанія жителей, чего, конечно, не было, да и быть и не могло, при тогдашнемъ положеніи Фран-

(*) Богдановичъ, т. I, стр. 249.

ціи. Наполеонъ видѣлъ ясно, что союзники, не доверяя себѣ, считаютъ его гораздо сильнѣе, нежели онъ былъ въ дѣйствительности. Поэтому онъ согласился открыть переговоры о перемиріи. Въ то же время онъ рѣшился продолжать наступленіе и приказалъ Коленкуру, на шатильонскомъ конгрессѣ, домогаться условій, предлагавшихся во Франкфуртѣ.

Однако Блюхеръ далъ другой оборотъ дѣлу, болѣе сообразный съ силами и достоинствомъ союзниковъ. Онъ видѣлъ, что всѣ дѣйствія Шварценберга состояли главнымъ образомъ въ отступленіи и не могли повлечь за собою иныхъ результатовъ, какъ только вредныхъ для союзниковъ и весьма благоприятныхъ для Наполеона. Поэтому-то онъ рѣшился воспользоваться мыслию начальника штаба корпуса Клейста, полковника Грольмана—отдѣлить силезскую армію отъ арміи князя Шварценберга и, совокупно съ корпусами Бюлова и Винцингероде, двинуться отдѣльно чрезъ Мо къ Парижу. Выпросивъ на это разрѣшеніе императора Александра и короля прусскаго, Блюхеръ, 12-го февраля, выступилъ въ долину Марны. Въ то же время Шварценбергъ продолжалъ отступать отъ Труа, куда, 12-го же февраля, торжественно вступилъ, во главѣ своей гвардіи, Наполеонъ. Вслѣдъ затѣмъ открылись переговоры о перемиріи въ Люзиньи.

Многочисленная союзная армія, бывшая подъ начальствомъ Шварценберга, его дѣйствіями была доведена до положенія болѣе похожаго на армію, претерпѣвшую пораженіе. Отступленіе союзниковъ отъ Труа, совершаемое такъ поспѣшно, какъ будто дѣло шло о спасеніи арміи послѣ проиграннаго сраженія, изнурило войска и ослабило ихъ множествомъ отсталыхъ, искавшихъ приюта отъ стужи и изнемогавшихъ отъ голода. Дальнѣйшее отступленіе должно было повести къ совершенному разстройству арміи; всѣ были увѣрены, что войска останутся лишь тогда, когда отойдутъ за Рейнъ. Союзный главнокомандующій убѣдился на опытѣ, какъ вредно отступать по той самой дорогѣ, по которой наступала армія. Войска, двигаясь по опустошенной странѣ и терпя недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ, теряли довѣренность къ своему вождю, и благоустроенная армія едва не превратилась въ дикую орду, необузданную ни чувствомъ долга, ни дисциплиною (*).

(*) Богдановичъ, стр 267.

Къ счастью союзниковъ, неумѣренные требованія Наполеона, при открытіи совѣщаній въ Люзиньи, открыли глаза поборникамъ мира. Это побудило союзниковъ принять болѣе рѣшительныя мѣры. 13-го февраля былъ собранъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено, чтобы на шатильонскомъ конгрессѣ переговоры велись отъ имени всѣхъ союзныхъ державъ, что должно было отнять у Наполеона всякую надежду на расторженіе коалиціи и дать рѣшительный оборотъ совѣщаніямъ конгресса. Относительно же военныхъ дѣйствій постановлено было, чтобы главная армія, не вступая въ сраженіе при Варъ-сюръ-Объ, въ случаѣ дальнѣшаго наступленія Наполеона, отошла къ Лангру и, соединившись тамъ съ ожидаемыми резервами, приняла сраженіе или начала снова наступательное движеніе. Императоръ Александръ, желая предупредить всякое покушеніе австрійцевъ къ дальнѣйшему отступленію, объявилъ, что въ такомъ случаѣ онъ съ русскими войсками оставитъ главную армію и соединится съ Блюхеромъ. Король прусскій, въ свою очередь, объявилъ, что онъ будетъ сопровождать русскаго монарха. Что касается до силезской арміи, то мы уже сказали, что Блюхеру разрѣшено было движеніе въ долину Марны, и онъ уже началъ его. Наконецъ, положено было составить южную армію, въ числѣ отъ 40 до 50,000 человекъ, подъ начальствомъ наследнаго принца гессенъ-гомбургскаго, которая должна была двинуться противъ маршала Ожеро, оттѣснить его и обезпечить тѣмъ Женеву и сообщенія главной арміи.

14-го числа король прусскій и Шварценбергъ получили извѣстіе, что Блюхеръ направился противъ Мармона и что Наполеонъ обратился къ Мариѣ противъ Блюхера. Это дало возможность королю прусскому настоять на прекращеніи дальнѣшаго отступленія и начатіи наступательныхъ дѣйствій.

15-го февраля произошло сраженіе при Варъ-сюръ-Объ, въ которомъ маршалъ Удино былъ принужденъ отступить отъ города, потерявъ 2,000 человекъ убитыми и ранеными и 460 плѣнными; союзники же потеряли до 1,900 человекъ. Сраженіе это доставило союзникамъ ту выгоду, что раскрыло имъ слабость непріятеля и должно было побудить ихъ къ продолженію наступательныхъ дѣйствій. Но въ это время Шварценбергъ получилъ извѣстіе о движеніи главныхъ силъ Наполеона къ Дижону. Не обращая вниманія на опредѣлительное извѣстіе, полученное имъ отъ Блюхера еще 14-го февраля, о томъ, что

Наполеонъ наступаетъ противъ силѣвской арміи, Шварценбергъ, опасаясь движенія къ Дижону, не преслѣдовалъ разбитаго Удино, который, благодаря этой оплошности, спокойно снялся 16-го числа съ позиціи и отошелъ.

16-го февраля былъ атакованъ, у Лаферте-сюръ-Объ, Макдональдъ, отступившій въ Баръ-сюръ-Сенъ. На другой день послѣ этого дѣла союзники заключили въ Шомонѣ договоръ.

Первоначальная мысль этого договора принадлежитъ Россіи и Пруссіи; цѣлю его было прекращеніе разногласія между союзниками и побужденіе Наполеона къ большей уступчивости. Шомонскому договору, заключенному императорами русскимъ и австрійскимъ и королями великобританскимъ и прусскимъ, положено было дать силу въ теченіе 20 дней. Первою статью договора постановлялось: въ случаѣ несогласія Франціи на предложенія союзниковъ, продолжать войну всѣми средствами; въ неразрывной между собою связи, чтобы достигнуть общаго мира, обеспечивающаго неварушимость правъ и независимость государствъ. Прочими статьями оправдывалось число войскъ, котораго должна была выставить каждая изъ союзныхъ державъ; обязательство не вступать отдѣльно ни въ какіе переговоры и не заключать ни мира, ни перемирія иначе, какъ съ общаго согласія. Секретными статьями договора опредѣлялось возстановленіе Германскаго Союза, признаніе независимости Швейцаріи, устройство Италіи, Испаніи и Голландіи.

Между тѣмъ, Блюхеръ, отгнѣсивъ оставленныхъ противъ него Наполеономъ Мармону и Мортье къ Лаферте-су-Жуаръ, хотѣлъ ихъ вовсе отрѣзать отъ Парижа, однако не успѣлъ: Мармону и Мортье удалось переправиться на правый берегъ Марны и уничтожить за собою мосты. По переправѣ, маршалы расположились на правомъ бѣрегу Урнскаго канала.

Въ то же время Блюхеръ получилъ извѣстіе о движеніи противъ него Наполеона. Желая покончить дѣло до прѣбытія французскаго императора, Блюхеръ два дня пробовалъ переправиться открытою силою чрезъ каналъ; но безуспѣшно. Въ это-то время, 1-го марта, подошелъ Наполеонъ, который, оставивъ противъ Шварценберга Удино и Макдональда, съ остальными войсками двинулся на помощь Мармону и Мортье. Наполеонъ тотчасъ же приступилъ къ устройству переправъ, что могло быть оговорено не ранѣе сего.

Въ ночь со 2-го на 3-е число марта переправились войска

Наполеона по мосту. Положеніе Блюхера было весьма затруднительно: ему предстояла еще переправа чрезъ рѣку Энъ, а ключъ этой переправы, крѣпость Суассонъ, уже была занята опять французами. Имѣя передъ собою рѣку Энъ, въ тылу Марну, Мармона и Мортъе съ одного, а Наполеона съ другаго фланга, войска Блюхера подвергались весьма большому риску—быть отброшенными къ Суассону.

Но счастье, неоднократно уже выручавшее Блюхера изъ самыхъ крайнихъ обстоятельствъ, спасло его и на этотъ разъ отъ угрожавшей ему опасности. Въ то время, когда, повидимому, не было никакого спасенія, вдругъ предъ изумленными войсками опустились подъемные мосты. Моро, комендантъ крѣпости, не умѣлъ одѣннить важности Суассона. Онъ сдалъ его войскамъ Бюлова и Винцингероде, которые съ сѣвера шли на подкрѣпленіе арміи Блюхера. Всѣ расчеты Наполеона были теперь разрушены. Блюхеръ свободно перешелъ рѣку Энъ, соединившись съ Бюловымъ и Винцингероде, усилилъ значительно свою армію и началъ сосредоточивать ее у Краона.

Наполеонъ, въ раздраженіи, писалъ военному министру: „Непріятель находился въ величайшемъ затрудненіи, и мы надѣялись пожать плоды нашихъ трудовъ, когда вдругъ глупость или измѣна суассонскаго коменданта отдала въ руки непріятеля этотъ пунктъ. 3-го числа онъ вышелъ съ военными почестями и увезъ съ собою четыре орудія. Арестуйте этого бездѣльника (*misérable*) и всѣхъ участвовавшихъ на военномъ совѣтѣ, отдайте ихъ подъ судъ и, ради Бога, *устройте такъ, чтобы они въ двадцать-четыре часа были разстрѣляны на Гревской площади* (*pour Dieu, faites en sorte qu'ils soient fusillés dans les vingt-quatre heures sur la place de Grève*). Время уже показать примѣръ. Напечатанную сентенцію военного суда обнародовать и разослать повсюду. Я принужденъ теперь устраивать мостъ на козлахъ, для чего нужно 36 часовъ и что ставитъ меня въ большое затрудненіе.“ (*)

Съ этой минуты судьба Наполеона совершенно измѣняется. Успѣхъ его оставилъ, положеніе сдѣлалось крайне затруднительнымъ. вмѣсто того, чтобы притиснуть союзниковъ къ рѣкѣ Энъ, какъ онъ предполагалъ это сдѣлать, ему самому приходилось, для вступленія съ ними въ бой, переправляться въ виду вдвое превосходившей его арміи. Въ такомъ положеніи

(*) Тьеръ, стр. 497.

Наполеонъ, съ цѣлю обойти Блюхера съ лѣваго фланга и отрѣзать его какъ отъ сообщеній съ Голландією и Рейномъ, такъ и отъ арміи князя Шварценберга, рѣшился двинуться къ Лаону. Для этого войска Мармона и Мортъе получили приказаніе двинуться къ Суассону, а главные силы направились отъ Фимъ къ Берри-о-Бакъ для переправы тамъ чрезъ р. Энъ.

Едва только Блюхеръ узналъ о переправѣ французовъ чрезъ Энъ, какъ тотчасъ же положилъ перейти въ наступленіе, атаковать Наполеона и разбить его прежде соединенія съ нимъ корпусовъ Мармона и Мортъе. Къ сожалѣнію, генералъ Винцингероде былъ причиною что Краонъ успѣли занять войска Наполеона, чрезъ что французы получили возможность удерживаться здѣсь до прибытія къ нимъ подкрѣпленій. Блюхеръ отказался отъ нападенія, но, расположивъ свои войска между рр. Энъ и Леть, рѣшился принять сраженіе. Предоставивъ оборону позиціи пѣхотѣ корпуса Винцингероде, подъ начальствомъ графа Воронцова, онъ предполагалъ въ это же время кавалерією обойти непріятели съ праваго фланга. Не вдаваясь въ описаніе краонскаго сраженія, которое подробно изложено въ сочиненіи г. Вогдановича, мы перейдемъ прямо къ знаменитому отступленію послѣ сраженія.

Мы сказали, что Блюхеръ имѣлъ въ виду произвести обходное движеніе съ праваго фланга съ кавалерією, въ числѣ 10,000 человекъ, съ 60 орудіями, подъ общимъ начальствомъ Винцингероде. Планъ этотъ не удался. Утромъ 23-го февраля, когда, по расчету Блюхера, Винцингероде долженъ былъ миновать Фетъе и двинуться въ тылъ французской арміи, онъ узналъ, что вся кавалерія находилась еще позади главной квартиры у Шевриньи. Поручивъ Сакену войска, бывшія на позиціи, самъ Блюхеръ поскакалъ назадъ, чтобы принять непосредственно начальство надъ кавалерією Винцингероде и ускорить ея движеніе. Но въ одиннадцать часовъ, когда уже раздалась сильная канонада со стороны Краона, большая часть кавалеріи не успѣла еще миновать Шевриньи. Причиною тому были отчасти свойства мѣстности, гористой и пересѣченной многими преградами. Проселочныя дороги, по которымъ приходилось идти войскамъ, были узки и усыпаны камнями; кавалерія иногда принуждена была тянуться въ одинъ конь. Значительная масса артиллеріи, затрудняя движеніе, замедляла его еще болѣе. Впрочемъ, въ неудачѣ предположенныхъ дѣйствій, по

показанію очевидцевъ, былъ много виноватъ, самъ Винцингероде своею медленностію.

Въ два часа пополудни Блюхеръ отказался отъ обходнаго движенія въ тылъ непріятельской арміи и сталъ собирать войска на позиціи у Лаона, куда долженъ былъ отступать и графъ Воронцовъ. Получивъ приказаніе отъ Сагена, графъ Воронцовъ, съ успѣхомъ державшійся на своей позиціи противъ Наполеона въ теченіе пяти часовъ, отвѣчалъ, что дальнѣйшая оборона его отряда на мѣстѣ сопряжена была съ меньшею опасностію, нежели отступление въ виду многочисленной непріятельской кавалеріи, подъ прикрытіемъ лишь одного гусарскаго полка. Тѣмъ не менѣе Сагенъ, зная, что войска Винцингероде, посланныя въ тылъ французской арміи, не успѣли совершить обхода и что корпусъ Клейста находится въ то время еще въ окрестностяхъ Шевриньи, послалъ графу Воронцову вторичное приказаніе отступать, извѣстивъ его, что для прикрытія его отступления была назначена вся кавалерія генерала Васильчикова.

Исполняя полученное приказаніе, графъ Воронцовъ отправилъ назадъ всѣ подбитыя орудія, въ числѣ 22, и раненныхъ, которыхъ можно было унести съ поля сраженія, перестроилъ пѣхоту въ батальонныя каре и приказалъ имъ отступать шагомъ, чрезъ линіи, въ шахматномъ порядкѣ. Но войска его не успѣли еще тронуться съ мѣста, какъ непріятель возобновилъ нападеніе. Оказывая непріятелю на каждомъ шагѣ самое упорное сопротивленіе, войска графа Воронцова снялись съ позиціи въ полномъ и совершенномъ порядкѣ и отходили назадъ шагъ за шагомъ, „какъ на ученѣ“, по словамъ самого Воронцова. Генералы Васильчиковъ, Ушаковъ, Ланской безпрестанно возобновляли нападенія; нѣкоторые подки ходили въ атаку по восьми разъ. По сознанію самихъ французевъ, мужественныя и искусныя атаки русской кавалеріи остановили стремительность французскихъ эскадроновъ.

„Сраженіе при Краонъ—говоритъ г. Богдановичъ—въ водоромѣ со стороны русскихъ было введено въ бой, не болѣе 15,000 человекъ, противъ двойныхъ силъ, подъ личнымъ предводительствомъ Наполеона, есть одинъ изъ знаменитѣйшихъ подвиговъ русскаго оружія. Военное подрище графа Воронцова озарилося въ этотъ день блескомъ славы, возвышенною славностію, обычною спутницею истиннаго достоинства. Въ дие-

снѣи о битвѣ при Краонѣ онъ приписалъ совершенный имъ подвижъ генераламъ Лаптеву, Васильчикову, Лавскому, Бенкендорфу и въ послѣдствіи отзывался не разъ, что вся его заслуга заключалась въ исполненіи обязанностей солдата, что успѣхомъ боя при Краонѣ онъ былъ обязанъ выгодамъ позиціи, избранной генераломъ Понсетомъ, и въ особеннѣсти мужеству войскъ, которыми онъ командовалъ. Въ дѣйствительности же графъ Воронцовъ, сражаясь на мѣстности, обезпеченной отъ обходовъ съ фланговъ и недопускавшей никакихъ маневровъ, сдѣлалъ все, зависѣвшее отъ него, для возбужденія духа вѣранныхъ ему войскъ собственнымъ самоотверженіемъ и, по свидѣтельству очевидцевъ, несмотря на жестокою боль въ ушибенной наканунѣ ногѣ, постоянно былъ въ бою и даже принималъ личную команду то надъ однимъ, то надъ другимъ полкомъ, встрѣчая непріятеля въ разстояніи иногда не далѣе пятидесяти шаговъ батальнымъ огнемъ (*)⁴.

Уронъ съ обѣихъ сторонъ былъ весьма значителенъ. Войска графа Воронцова вообще потеряли выбывшими изъ строя до 5,000 человекъ: убито 1,500 и ранено болѣе 3,000, слѣдовательно третью всего числа людей, участвовавшихъ въ дѣлѣ. Обѣ стороны приписывали побѣду себѣ: французы потому, что послѣ боя заняли поле сраженія, а русскіе — нанеся непріятелю огромный уронъ и отразивъ всѣ сдѣланныя на нихъ нападеныя. Фанъ, въ Manuscrit de 1814, говоритъ: „Правда, поле битвы осталось за французами, но, принявъ во вниманіе необычайныя жертвы, которыхъ оно имъ стоило, и обстоятельства, побудившія графа Воронцова противъ воли его къ отступленію, нельзя не сознаться, что русскіе въ этотъ день приобрѣли столько же славы, какъ и ихъ противники“.

Дѣло при Краонѣ важно было особенно по тѣмъ послѣдствіямъ, которыя оно могло имѣть не только въ такомъ случаѣ, если бы удался обходъ кавалеріи Виндичгероде, но и тогда, когда бы Блюхеръ оставя для поддержанія графа Воронцова часть своихъ силъ, воспользовался бы геройскою обороною русскихъ войскъ: ничто не мѣшало фельдмаршалу на другой день послѣ сраженія при Краонѣ, рано утромъ, выйти съ нѣсколькими корпусами въ тылъ Наполеону. Еще наканунѣ, въ четыре часа пополудни, корпусъ Клейста прибылъ къ Фетѣ, а корпусъ Йорка, находясь вечеромъ въ десяти верстахъ отту-

(*) Богдановичъ, стр. 324.

да, могъ ночью соединиться съ войсками Клейста. Но, къ сожалѣнію, Блюхеръ, который своею энергіею возбуждалъ силезскую армію, страдая теперь глазами, былъ не въ состояніи распорядиться дѣйствіями, а главный сподвижникъ его Гнейзенау, пораженный блистательнымъ состояніемъ корпуса Бюлова въ сравненіи съ разстроенными и ослабленными корпусами Клейста и Йорка, заботился болѣе о сохраненіи этихъ войскъ, нежели о новыхъ побѣдахъ. Все это повело къ недоразумѣнію между союзниками: русскіе не могли понять, почему Блюхеръ, имѣя подъ ружьемъ болѣе 100,000 человекъ, оставилъ противъ Наполеона только 20,000 человекъ графа Воронцова, и почему ни одинъ изъ прусскихъ корпусовъ не былъ введенъ въ дѣло; пруссаки же полагали, что генералъ Винцингероде опоздалъ съ умысломъ.

Утромъ 25-го февраля (9-го марта) вся армія Блюхера, въ числѣ 100,000 человекъ (60,000 русскихъ и 40,000 пруссаковъ), съ 600 орудіями, сосредоточилась на лаонской позиціи. У Наполеона было 44,000 человекъ, изъ которыхъ 32,000 составляли главные силы, расположенныя на суассонской дорогѣ, а 12,000, подъ начальствомъ Мармона, двигались къ Лаону по реймской дорогѣ.

Послѣ сраженія при Краонѣ Наполеонъ находился въ крайне затруднительныхъ обстоятельствахъ. Армія Блюхера, сосредоточенная у Лаона, была сильнѣе нежели когда-нибудь; опасность, угрожавшая съ этой стороны Парижу, не подлежала сомнѣнію. Наполеону надлежало, во что бы то ни стало, сперва оттѣснить Блюхера какъ можно далѣе и потомъ уже обратиться противъ Шварценберга. Ко всему этому присоединялись еще извѣстія о неудачномъ для Франціи ходѣ переговоровъ въ Шатильонѣ и въ Люзиньи. Эти извѣстія, не оставляя никакой надежды на миръ, побуждали Наполеона къ отчаяннымъ средствамъ. Онъ рѣшился, несмотря на громадную несообразность въ силахъ, атаковать Блюхера. Два дня сряду французы атаковали Блюхера на его позиціи, но не могли его сбить. Въ то же время корпусъ Мармона, въ теченіе ночи, подвергся нечаянному нападенію Йорка и былъ отброшенъ за р. Энъ. Пораженіе этого корпуса было полное; разстройство неприятельскихъ не имѣло предѣла; было они успѣли собраться не ранѣе, какъ перейдя за р. Энъ у Берри-о-Бакъ.

Между тѣмъ, Наполеонъ, рассчитывая на содѣйствіе Мар-

мона, предполагалъ, 26-го февраля (10-го марта), атаковать союзниковъ съ обоихъ фланговъ. Получивъ же, въ часъ пополуночи, извѣстіе о пораженіи Мармона, онъ сначала не повѣрилъ, а потомъ, когда уже не было въ этомъ сомнѣнія, рѣшился все-таки оставаться на позиціи, предполагая, что тѣмъ удержитъ Блюхера отъ преслѣдованія Мармона. Въ теченіе боя 26-го февраля Наполеонъ убѣдился въ невозможности овладѣть Лаономъ вечеромъ и началъ отступленіе по суассонской дорогѣ.

Союзники, имѣя тройныя силы въ сравненіи съ непріателемъ, не перешли въ наступленіе, а сочли нужнымъ прекратить преслѣдованіе Мармона и снова сосредоточиться у Лаона. Такого образа дѣйствій нельзя объяснить ни невѣдѣніемъ о силахъ Наполеона, потому что ихъ можно было ясно видѣть и даже почти сосчитать съ вершины плато, ни обычнымъ опасеніемъ встрѣчи съ Наполеономъ. Сраженіе при Краонѣ показало, что нечего было опасаться съ нимъ встрѣчи, даже и тогда, когда у него были и двойныя силы. Но, къ несчастію, тотъ, котораго энергія одушевляла союзную армію, Блюхеръ, въ ночь съ 25-го на 26-е февраля, заболѣлъ такъ сильно, что былъ принужденъ лечь въ постель и, не имѣя возможности лично управлять дѣйствіями, предоставилъ распоряжаться ими начальнику своего штаба. Генераль Гнейзенау принималъ большое участіе въ составленіи соображеній для дѣйствія силезской арміи, и самъ Блюхеръ вполне признавалъ его заслуги но здѣсь болѣе нежели когда-либо подтвердилась истина, что сила воли, умѣнье говорить съ солдатомъ, искусство возбуждать войска къ великимъ подвигамъ не могутъ быть замѣнены ни глубокими свѣдѣніями въ военномъ дѣлѣ, ни способностію къ составленію плановъ для дѣйствій. Генераль Гнейзенау не могъ замѣнить Блюхера. Командиры корпусовъ считали его педантомъ, непрактичнымъ человѣкомъ, и къ тому же хотя пруссаки и отдавали справедливость графу Воронцову и русскимъ войскамъ за дѣло при Краонѣ, а русскіе—Горку и его сподвижникамъ за пораженіе Мармона, однако между союзниками не было взаимнаго довѣрія. Самъ Мюфлингъ пишетъ, что Гнейзенау, отмѣняя прежнюю диспозицію, былъ руководимъ желаніемъ сохранить прусскія войска. „Диспозиція слишкомъ отважна, сказалъ онъ.—Фельдмаршалъ боленъ, и я не могу принять на себя такой отвѣтственности.“

Наполеонъ, по отступленіи отъ Лаона къ Суассону, былъ

почти въ безвыходномъ положеніи. Число его войскъ, вмѣстѣ съ корпусомъ Мармона, простиралось до 40,000 человекъ; войска эти были утомлены и разстроены; взамѣнъ старыкъ солдатъ, умиравшихъ на поляхъ сраженій и въ госпиталяхъ, они замѣнялись конскриптами и національною стражею. Князь Шварценбергъ, пользуясь отсутствіемъ Наполеона, снова занявъ Труа, выдвинулъ передовые посты къ Сенъ и Ионъ и угрожалъ столицѣ Франціи. Извѣстія изъ Парижа получались самыя печальныя. „Ваше величество должны сознаться — писалъ Іосифъ Наполеону — что нѣтъ никакого средства къ спасенію, кромѣ мира, и мира безотлагательнаго.“ Но ходъ переговоровъ въ Шатильонѣ явно показывалъ, что союзники не помышляли о мирѣ, а стремились къ совершенному удаленію съ политическаго поприща Наполеона, какъ человека, владычество котораго было несомѣстно со всеобщимъ спокойствіемъ и миромъ Европы.

Между тѣмъ, приказаніе прекратить преслѣдованіе и возвратиться на лаонскую позицію возбудило въ войскахъ всеобщее неудовольствіе. Въ особенности былъ глубоко оскорбленъ генералъ Йоркъ, полагавшій, что Гнейзенау, изъ личнаго къ нему недоброжелательства, лишилъ его возможности нанести рѣшительный ударъ непріятелю. Неудовольствіе его было усилено еще убѣжденіемъ, что его корпусу послѣ сраженія при Лаонѣ отвели наиболѣе, по его мнѣнію, опустошенное мѣсто. Вслѣдъ затѣмъ онъ получилъ приказаніе послать сто человекъ кавалеріи для конвоирования обозовъ въ Бельгію. Это была послѣдняя капля, переполнившая мѣру его огорченія. Не сказавъ ни слова никому, онъ уѣхалъ по брюссельской дорогѣ. Легко вообразить, какъ удивились подобному неожиданному поступку въ главной арміи Блюхера. Многіе предлагали Йорка отдать подъ судъ; но всякій зналъ, что Блюхеръ никогда не согласился бы на такую крайнюю мѣру. Наконецъ написали письмо, въ которомъ фельдмаршалъ изъявлялъ сожалѣніе о болѣзни своего стараго товарища и надежду на скорое его выздоровленіе. Хотя этотъ офиціальный отзывъ былъ подписанъ Блюхеромъ, однако въ составленіи его фельдмаршалъ не принималъ ни малѣйшаго участія. Графъ Бранденбургъ и Махъ, люди совершенно преданные Йорку, зная, что такое посланіе могло возбудить въ немъ еще большее неудовольствіе, обратились въ графу Ностицу, который уговорилъ фельдмаршала написать собственноручно

письмо Горку. Несмотря на нестерпимую глазную боль, Блюхер действительно написал огромными буквами следующее слово: „Старый товарищ! чтобы не осудила насъ исторія, будь благо-равуменъ и вернись“. Братъ короля прусскаго также послалъ Горку следующее письмо: „Отъѣздъ вашего превосходительства повергаетъ въ глубочайшую скорбь всѣхъ насъ, имѣющихъ счастье состоять подъ вашимъ начальствомъ; каждый знающій поводы, побудившіе васъ къ такому шагу, сознавая ихъ основательность, убѣжденъ и надѣется, что въ такую критическую минуту вы не уклонитесь отъ великаго дѣла возложеннаго на васъ отечествомъ. Никогда Ируссія не имѣла болѣе надобности въ искусныхъ полководцахъ, какъ въ настоящее время. На кого же изъ нихъ можемъ надѣяться болѣе, какъ не на того, кто возстановилъ древнюю ея славу, кто озарилъ новымъ блескомъ ея оружіе въ Курляндіи, подалъ сигналъ къ сверженію чужеземнаго господства и побѣдоносно провелъ храбрую прусскую армію отъ Двины до Сены? Какъ согражданинъ вашъ, какъ вашъ подчиненный, какъ сынъ и братъ вашихъ государей, заклинаю васъ не оставлять начальства надъ ввѣренными вамъ корпусомъ“.

Эти письма заставили Горка возвратиться къ войскамъ 1-го прусскаго корпуса и снова принять надъ ними начальство.

Наполеонъ воспользовался нерѣшительностію союзниковъ. Получивъ извѣстіе о занятіи войсками графа Сель-При, Реймса; принявъ необходимы мѣры для охраненія Суассона и задержанія Блюхера на рѣкѣ Энъ, рѣшился двинуться противъ слабѣйшаго непріятели. 1-го марта онъ напалъ на Реймсъ и выбилъ оттуда союзниковъ, понесшихъ уронъ въ 2,000 человекъ. По взятіи города, онъ оставался тамъ трие сутокъ, чтобы дать войскамъ отдыхъ. Здѣсь же онъ получилъ самыя неблагоприятныя для него извѣстія. Роялисты повсюду начинали дѣйствовать; въ Бордо и въ другихъ пунктахъ южной Франціи появились агенты герцога Ангулемскаго: Витроль; одинъ изъ преданнѣйшихъ приверженцевъ Бурбоновъ и довѣренное лицо Талейрана, прибылъ въ главную квартиру союзниковъ.

Удачное дѣло подъ Реймсомъ не поправило однако обстоятельство французскаго императора. Союзные государи уже рѣшили въ это время не отступать отъ своего намѣренія—вести Францію въ ея старинныя предѣлы. Все предвѣщало дурное окончаніе войны, и это чувствовалъ самъ Наполеонъ. По

всюду на пути своемъ онъ видѣлъ пожары, опустошенія и отчаяніе. Отчасти Наполеонъ былъ доволенъ отчаяніемъ народа. „Moniteur“ вдругъ наполнился жалобами несчастныхъ жителей Монмираля,¹ Монтро, Нанжиса, описаніемъ бѣдствій, претерпѣнныхъ жителями Лаферте-су-Жуаръ и Мо. Всѣ города, пораженные бичемъ войны, послали своихъ депутатовъ въ Парижъ, чтобы высказать тамъ свое бѣдственное положеніе и требовать мщенія.

Дѣйствительно, зло было такъ велико, что не было надобности въ преувеличеніи. Въ такой крайности, въ какой находилась въ то время Франція, надлежало прибѣгнуть и къ крайнимъ средствамъ. И въ самомъ дѣлѣ, ничего не было упущено изъ вида, чтобы вызвать жертвы, которыя обыкновенно бывають слѣдствіемъ только истиннаго патріотизма.

Народу начали указывать на примѣры древности, напоминали о томъ, что было сдѣлано Франціею въ 1792 году, когда она вооружалась почти поголовно, указывали на примѣры Испаніи, Россіи и Пруссіи.

Но все это произвело послѣдствія совершенно противоположныя тѣмъ, которыхъ ожидали. Картина бѣдствій, сопряженныхъ съ войною, испугала воображеніе горожанъ. Разсказы депутатовъ, избѣгнувшихъ въ своихъ провинціяхъ пожара и разоренія, вмѣсто того, чтобы воодушевить народъ, поселили въ немъ еще большее уныніе, и требованіе мира, который долженъ былъ положить конецъ всѣмъ этимъ бѣдствіямъ, сдѣлалось еще громче.

Въ Фимѣ Наполеонъ подписалъ декретъ, которымъ не только одобрялъ участіе въ войнѣ поселянъ, но даже требовалъ, чтобы каждый французъ, по приближеніи французскихъ войскъ, присоединялся къ нимъ съ оружіемъ въ рукахъ. Другимъ декретомъ, подписаннымъ тамъ же, Наполеонъ объявлялъ имѣнникомъ всякаго мѣра или чиновника, который, вмѣсто того, чтобы возбуждать порывы и воодушевленіе своихъ подчиненныхъ, сталъ бы ихъ останавливать. Оба декрета получили большую гласность, хотя и не имѣли никакихъ послѣдствій. Можно было, впрочемъ, видѣть, что Наполеономъ руководило не столько дѣйствительное желаніе увеличить свои матеріальныя силы, сколько одна только политическая цѣль: демонстраціею поголовнаго ополченія, о которой громко протрубили всѣ французскіе журналы, онъ хотѣлъ возбудить вниманіе союзныхъ го-

сударей, въ надеждѣ устрасить ихъ и показать имъ, до чего можетъ дойти война, если съ обѣихъ сторонъ поведутъ ее съ такимъ ожесточеніемъ (*).

Лучше всего это видно изъ словъ самого Наполеона, сказанныхъ въ разговорѣ съ Себастьяни, когда тотъ спросилъ его, почему онъ не думаетъ поднять народъ.

— Это мечты изъ воспоминаній Испаніи и французской революціи! Какъ поднять народъ въ странѣ, гдѣ революція уничтожила дворянство и духовенство и гдѣ я самъ уничтожилъ революцію! (**)

Въ Парижѣ все принимало въ это время угрожающій характеръ. Передъ отправленіемъ своимъ къ арміи, Наполеонъ назначилъ регентство, которому, впрочемъ, далъ весьма мало власти и во главѣ котораго стояла его супруга. Ей помогали братъ его Іосифъ и Камбасересъ. Іосифу былъ данъ пышный титулъ генераль-намѣстника имперіи (*lieutenant-général*), а императрица называлась регентшей и имѣла при себѣ правительственный совѣтъ, но не могла ни предлагать сенату проекта какого-нибудь декрета, ни объявлять законовъ. Этому-то совѣту послалъ Наполеонъ предложенія, которыя ему дѣлали на шатильонскомъ конгрессѣ о введеніи Франціи въ предѣлы 1792 года. Наполеонъ полагалъ, что подобныя предложенія подѣйствуютъ на совѣтъ въ его пользу. Совѣтъ собрался 4-го марта, и Іосифъ сообщилъ членамъ его всѣ бумаги, касавшіяся до мирныхъ предложеній. Но здѣсь лучше всего обнаружилась въ полномъ блескѣ четырнадцатилѣтняя система Наполеона. Лица, составлявшія совѣтъ, оказались вовсе негодными для такого дѣла: они почти со страхомъ выслушали предложеніе обсудить столь важный предметъ и высказать о немъ свое собственное мнѣніе. Люди эти боялись не понравиться Наполеону, высказываясь за миръ, а народу—требуя продолженія войны.

Долгое время въ совѣтъ продолжалась тишина послѣ того, какъ были прочтены бумаги, и Іосифъ долженъ былъ просить членовъ прекратить молчаніе и объявить свое мнѣніе. Наконецъ мнѣнія высказались, но въ самой нерѣшительной формѣ. По мнѣнію членовъ совѣта, условія были дѣйствительно тяжки, но надо было надѣяться на геній императора, который уже неоднократно дѣлалъ чудеса. Всѣ ссылались однако на то,

(*) Фэнъ. Manuscrit de 1814.

(**) Тьеръ, стр. 591.

что имъ вовсе неизвѣстно положеніе дѣлъ, что оно извѣстно одному только императору. Наконецъ члены совѣта объявили, что если императоръ, которому извѣстны всѣ дѣла, находитъ лучшимъ ввести Францію въ ея старинныя предѣлы, чѣмъ подвергаться новымъ случайностямъ, то совѣтъ признаетъ это непротивнымъ достоинству императора.

Но если стѣснялся въ своихъ выраженіяхъ совѣтъ, то народъ открыто порицалъ Наполеона. Многія изъ лицъ, приближенныхъ къ Іосифу, прямо высказывали мысль о необходимости дать регентство Іосифу и предоставить ему полную власть; надеясь, что Европа охотнѣе будетъ вести переговоры съ нимъ, нежели съ Наполеономъ.

Желая знать мнѣніе Наполеона насчетъ мира, Іосифъ поручилъ Меневалю, приверженцу Наполеона, уведомить обо всемъ императора. На это письмо Наполеонъ отвѣчалъ министру полиціи письмомъ, которое мы приведемъ здѣсь вполнѣ, чтобы показать, въ какой степени желаніе мира было искреннимъ со стороны Наполеона и какъ много думалъ онъ объ истинной пользѣ Франціи.

„Вы вовсе не извѣщаете меня о томъ, что дѣлается въ Парижѣ“, писалъ онъ. „Тамъ разсуждаютъ объ адресѣ, регентствѣ и о тысячѣ другихъ низкихъ и глупыхъ интригахъ, которыя могутъ быть внушены глупцами, подобными Міо (*). Всѣ эти люди не знаютъ, что я разрублю гордиевъ узелъ, подобно Александру Македонскому. Пусть знаютъ они, что я и теперь тотъ же, какимъ былъ подъ Ваграмомъ и Аустерлицемъ, что я вовсе не желаю никакихъ интригъ въ государствѣ, что нѣтъ другой власти, кромѣ моей, и исключительно только тогда регентша въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ пользуется моею довѣренностію. Король (Іосифъ) слабъ и позволяетъ себя увлекать въ интриги, которыя могутъ быть гибельны для государства, и въ особенности для него и его совѣта, если они не возвратятся на истинный путь. Я очень недоволенъ узнавъ обо всемъ этомъ не прямо отъ васъ, а изъ другихъ источниковъ. Знайте, что если будетъ подписанъ адресъ, противный моей власти, то я прикажу арестовать короля, министровъ и всѣхъ тѣхъ, которые его подпишутъ. Я не хочу народныхъ трибуновъ; пусть не забываютъ, что только одинъ я великій трибунъ...“

(*) Одинъ изъ приближенныхъ Іосифа.

Наполеонъ все еще рассчитывалъ на несогласіи и нерѣшительность союзниковъ.

Но на этотъ разъ предположенія его не сбылись. Благодаря настойчивости императора Александра, твердо рѣшившагося положить конецъ войнѣ, послѣдовала развязка, окончившаяся вѣдніемъ Парижа.

Князь Шварценбергъ, одержавъ, въ половинѣ февраля, побѣды при Баръ-сюръ-Объ и Лаферте, продолжалъ по прежнему дѣйствовать съ обычною вялостію и нерѣшительностію; Удино и Макдональдъ, пользуясь его нерѣшительностію, успѣли собрать свои разстроенныя войска: первый у Вандевръ, второй у Баръ-сюръ-Сень. Только 20-го февраля, когда была проведена усиленная рекогносцировка, доказавшая слабость французскихъ войскъ, и когда Шварценбергъ точно убѣдился въ томъ, что Наполеонъ съ главными силами двинулся противъ Блюхера, союзники заняли Труа. Французскіе же маршалы успѣли уже не только переправиться за Сену, но и принять мѣры для обороны переправы чрезъ эту рѣку. Теперь князь Шварценбергъ могъ дѣйствовать двоякимъ образомъ: во-первыхъ, онъ могъ съ главными силами своей арміи, численностію до 90,000 человекъ, идти прямо къ Парижу, увидѣвши вътрое слабѣйшаго непріятеля; во-вторыхъ, онъ могъ, оставивъ противъ Макдональда 30,000 человекъ, съ остальными 60,000 двинуться въ тылъ Наполеону. Такимъ движеніемъ Наполеонъ былъ бы доставленъ въ самое опасное положеніе между двумя арміями, изъ которыхъ каждая въ отдѣльности значительно превосходила его въ силахъ. Но князь Шварценбергъ, ссылаясь на неимѣніе вѣрныхъ свѣдѣній о Блюхерѣ, на недостатокъ жизненныхъ припасовъ, на предполагаемое народное возстаніе и даже на ослабленіе своей арміи, въ которой, какъ мы сказали, было 90,000 человекъ, продолжалъ дѣйствовать медленно и нерѣшительно. Вотъ какъ это объясняетъ генералъ Богдановичъ: „Въ настоящее время—говоритъ онъ—когда уже полвѣка раздѣляетъ насъ отъ міроваго событія, рѣшившаго участь Наполеона, пора воздать должное каждому изъ участвовавшихъ въ немъ лицъ, не прибѣгая къ недостойнымъ исторіи клеветѣ и пристрастію. Князь Шварценбергъ, храбрый воинъ, искусный дипломатъ, но посредственный военачальникъ, былъ вѣрнымъ исполнителемъ видовъ императора Франца, вовсе не желавшаго свергнуть съ престола своего зятя. При обсужденіи

дѣйствій Шварценберга, съ военной точки зрѣнія, слѣдуетъ упрекать его не въ невольныхъ его ошибкахъ, а въ томъ, что онъ принялъ на себя обязанности военачальника, не имѣя возможности исполнять ихъ надлежащимъ образомъ, и чрезъ то поставилъ себя въ необходимость дѣйствовать двусмысленно, несогласно съ пользами общаго дѣла монарховъ, ввѣрившихъ ему свои войска“.

Цѣлую недѣлю провела главная армія въ Труа въ совершенномъ бездѣйствіи. Только по истеченіи этого даромъ потеряннаго времени предприняли союзники наступленіе. 4-го (16-го) марта перешли они на правую сторону Сены, а Макдональдъ отступилъ за Провень, къ Мезонъ-Ружъ, и готовился отступать далѣе. Но въ это время уже спѣшилъ къ рѣкѣ Объ самъ Наполеонъ. Такимъ образомъ, благопріятный моментъ подавить войска Макдональда тройными силами союзниковъ былъ упущенъ.

Наполеонъ, возвысивъ духъ своихъ войскъ дѣломъ при Реймсѣ и давъ имъ трехдневный отдыхъ, рѣшился идти къ Марнѣ, съ цѣлю, усилившись на маршѣ подкрѣпленіями изъ Парижа, дѣйствовать совокупно съ Макдональдомъ противъ Шварценберга. 8-го и 9-го марта произошло сраженіе при Арси, въ которомъ французы, понеся огромныя потери, принуждены были отступать.

Почти одновременно съ неудачею сраженія при Арси послѣдовала полная неудача и шатильонскихъ переговоровъ. Въ засѣданіи 6-го марта, уполномоченные объявили, что союзныя державы считаютъ переговоры въ Шатильонѣ оконченными со стороны французскаго правительства. Совѣщанія окончились объявленіемъ союзныхъ уполномоченныхъ, что данное имъ полномочіе прекратилось и что они получили приказаніе возвратиться въ главныя квартиры своихъ государей. Союзники, немедленно по разрывѣ конгресса, обнародовали декларацію, въ которой, вмѣстѣ съ изложеніемъ хода переговоровъ, были объяснены причины ихъ неудачи.

Послѣ разрыва шатильонскаго конгресса и сраженія при Арси, положеніе Наполеона затруднилось еще болѣе. Онъ былъ окруженъ непріятелями извнѣ и внутри, онъ истощилъ послѣднія средства и на каждомъ шагѣ встрѣчалъ или измѣну, или равнодушіе къ себѣ. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что въ то время, когда потеря французами сраженія при Арси

отняла у нихъ надежду противодѣйствовать съ успѣхомъ главной союзной арміи, южная армія наслѣднаго принца гессенгобургскаго заняла второй городъ имперіи — Лионъ, а Блюхеръ оттѣшилъ оставленные противъ него корпуса Мармона и Мортье и готовился войти въ связь съ Шварценбергомъ.

Послѣ сраженія при Арси, Наполеонъ могъ отступить по направленію къ Парижу и, усилясь корпусами Мармона и Мортье, сосредоточить свои силы для прикрытія своей столицы, или же онъ могъ двинуться сначала по дорогѣ на Витри и потомъ обратиться на путь дѣйствія князя Шварценберга къ Шомону и Лангру, присоединить къ арміи войска, собранныя въ Мецѣ изъ гарнизоновъ крѣпостей, и возбудить народную войну въ тылу союзниковъ. Наполеонъ избралъ послѣдній способъ дѣйствій, не обращая вниманія на то, что главнымъ условіемъ успѣха его и существованія имперіи было владѣніе Парижемъ, гдѣ сосредоточивалось управленіе всей страны.

Вотъ какъ говорилъ Наполеонъ о своихъ будущихъ дѣйствіяхъ, когда въ его главную квартиру прибылъ Коленкуръ, по возвращеніи своемъ изъ Шатильона.

— Вы хорошо сдѣлали, что пріѣхали сюда. Я не скрою отъ васъ, что былъ бы вами весьма недоволенъ, если бы вы подписали предложенныя вамъ въ Шатильонѣ условія... Если бы вы уступили, отъ васъ потребовали бы еще болѣе. Они повсюду распространяютъ, что сражаются со мной, а не съ Франціею. Все это вздоръ. Они налегаютъ на меня потому, что знаютъ, что только одинъ я могу спасти Францію... Лучше умереть, любезный Коленкуръ, чѣмъ согласиться на такое униженіе... Это бездѣльное регентство хотѣло согласиться на унижительный трактатъ, вамъ предложенный. Но я заставилъ ихъ замолчать.... Вы увидите прекрасныя вещи. Я соберу до 40,000 человѣкъ въ нѣсколько дней въ крѣпостяхъ. Непрiятель слѣдуетъ за нами—это очевидно: иначе, нечѣмъ объяснить присутствіе массы кавалеріи, насъ окружающей. Внезапное появленіе мое въ тылу непріятеля встревожитъ Шварценберга, и онъ не посмѣетъ двинуться къ Парижу. Собравъ до 100,000 человѣкъ, я брошусь на Блюхера или Шварценберга—кто изъ нихъ будетъ ближе ко мнѣ — раздавлю ихъ; остальное докончатъ бургонскіе крестьяне. Коалиція такъ же близка къ своей гибели, какъ я къ моей, любезный Коленкуръ, и если я восторжествую, мы разорвемъ эти унижительныя трактаты. А

если я ошибаюсь; ну, тогда умремъ, какъ каждый день умираютъ наши старые товарищи по оружию. Покрайней мѣрѣ мы умремъ защищая нашу юность.

Дѣйствительно, союзники едва не были отвлечены отъ Парижской демонстраціею Наполеона. Изъ письма его къ императору, перехваченнаго казанами и доставленнаго въ главную квартиру силезской арміи, союзники узнали о движеніи его къ Маррѣ въ направленіи на Сенъ-Дизье. На военномъ совѣтѣ въ Стржи, 11-го марта, положено было соединить главную армію съ силезскою, а потомъ дѣйствовать въ тылъ и фланги Наполеона. Но, во время передвиженія главной арміи къ Шамплену, въ главной квартирѣ союзныхъ государей получены были перехваченныя письма, въ числѣ которыхъ находились донесенія Наполеону разныхъ сановниковъ объ истощеніи общественной казны, магазиновъ и боевыхъ запасовъ, а также о всеобщемъ неудовольствіи и ненавѣди мира, господствовавшихъ въ странѣ, и особенно въ Парижѣ. Министръ полиціи, Савари, донесилъ, что въ столицѣ было множество вліятельныхъ лицъ, враждебныхъ правительству, и что, въ случаѣ сближенія союзныхъ армій къ Парижу, онъ не отвѣчаетъ за его спокойствіе. Таково было положеніе дѣлъ, когда князь Шварценбергъ рѣшился слѣдовать по пятамъ Наполеона, т. е. удалиться отъ главной цѣли союзниковъ — Парижа. Но императоръ Александръ, находившійся тогда въ Сомпюи на военномъ совѣтѣ, въ которомъ принимали участіе князь Волконскій, Барклая-де-Толли и генералы Дибичъ и Толь, рѣшилъ отрядить корпусъ въ 10,000 чейовѣкъ, преимущественно составленный изъ кавалеріи, вождѣмъ за Наполеономъ, съ арміями же Блюхера и Шварценберга идти форсированными маршами къ Парижу. Мнѣніе свое императоръ Александръ сообщилъ королю прусскому и Шварценбергу. Вождѣмъ затѣмъ было послано приказаніе весть корпусамъ остановиться, а генералу Винцингероде, съ кавалеріею его корпуса, идти къ Сенъ-Дизье, чтобы привлечь на себя вниманіе неприятеля и прикрыть движеніе союзниковъ къ Парижу.

На пути къ столицѣ Франціи, союзники при Феръ-Шампенуазѣ разбили корпуса Мармона и Мортье. „Сраженіе это — говоритъ г. Богдановичъ — представляетъ блистательный примѣръ побѣды, одержанной исключительно кавалеріею. Всего на феръ-шампенуазской равнинѣ сражилось противъ французовъ 23,000 человекъ, съ 84 орудіями, противъ 16,000, съ 128

орудіями. Въ числѣ этихъ войскъ было 12,000 русскихъ, 4,000 виртембергцевъ. Непріятель въ этомъ дѣлѣ потерялъ до 11,000 человекъ; орудій было отбито и найдено на полѣ сраженія 75. Уронъ же союзниковъ не превосходилъ 2,000 человекъ.“

Настроеніе парижанъ въ это время было весьма тревожно. Какъ ни недоволенъ былъ народъ Наполеономъ, однако въ эту минуту онъ страшился приступа непріятельскихъ войскъ. Регентша, боясь и армій союзниковъ и народа, среди котораго жила, опасаясь за участь своего сына, была въ страхъ и безпокойствѣ. Іосифъ, при видѣ послѣдовательнаго паденія троновъ своей родины и опасаясь теперь и за французскій престолъ, потерялъ всякую дѣятельность, да кромѣ того и не имѣлъ власти. До такого печальнаго положенія была доведена Франція завоеваніями. Въ Данцигѣ, въ Гамбургѣ, въ Флиссингенѣ, въ Пальмо-Нуово, въ Венеціи и Александріи были французскіе солдаты и оружіе, а въ Парижѣ не было ничего. Ни одного редута, ни одного солдата, ни одного ружья, ни даже правительства. Для возбужденія и направленія энергии одного изъ самыхъ мужественныхъ народовъ въ мірѣ были оставлены только плачущая жейщина и императорскіе братья безъ всякой власти. Все государство воплотилось въ лицѣ одного человека, котораго не было налицо. Съ отсутствіемъ же его, казалось, исчезли во французскомъ народѣ всякая мысль, воля и дѣятельность.

28-го марта собранъ былъ вечеромъ совѣтъ подъ предсѣдательствомъ императрицы. Онъ состоялъ изъ короля Іосифа, Камбасереса, Лебрена, Талейрана, министровъ и президентовъ сената, законодательнаго корпуса и государственнаго совѣта.

Первымъ началъ говорить въ совѣтѣ военный министръ, генералъ Кларкъ. Въ самыхъ мрачныхъ краскахъ описалъ онъ положеніе Парижа. По его словамъ, вся сила состояла только изъ корпусовъ Мармона и Мортье, нѣсколькихъ баталіоновъ генерала Компана, двѣнадцати тысячъ національной гвардіи, изъ которой только небольшая часть имѣла ружья, изъ народа, готоваго драться, но безоружнаго, изъ нѣсколькихъ палисадовъ, у городскихъ воротъ, безъ всякихъ оборонительныхъ построекъ на окружающихъ городъ высотахъ. Однимъ словомъ, всего было около 25,000 человекъ, которые должны были удерживать двухсот-тысячную непріятельскую армію. При этомъ Кларкъ выразилъ свою преданность императору и совѣтовалъ

уѣхать тотчасъ же изъ Парижа императрицѣ и взять съ собою римскаго короля.

Напротивъ, Булѣ-де-ла-Мертъ доказывалъ невыгоды этого предложенія. По его словамъ, отъѣздъ императрицы и римскаго короля имѣлъ бы весьма вредное вліяніе на жителей столицы. По его мнѣнію, Марія-Луиза должна была поступить подобно Маріи-Терезіи—отправиться въ ратушу съ сыномъ на рукахъ и воззвать къ народу, который могъ выставить сто тысячъ солдатъ. Но Булѣ упускалъ изъ виду, что не было ста тысячъ ружей, да и само правительство не довѣряло народу.

Когда, наконецъ, Іосифъ прочелъ два письма Наполеона: одно изъ Труа, писанное имъ послѣ ларотьерскаго сраженія, другое изъ Реймса, въ которыхъ онъ особенно настаивалъ на томъ, чтобы императрица и римскій король не попались въ руки непріятели, то рѣшенъ былъ выѣздъ императрицы.

29-го числа народъ увидѣлъ на Карусельной площади придворные экипажи, въ которые, кромѣ императорскаго багажа, укладывались бумаги Наполеона, остатки императорской казны, простиравшейся до 18 милліоновъ, по большей части въ золотѣ, и наконецъ коронные брилліанты. Толпа, видѣвшая въ Маріи-Луизѣ и ея сынѣ залогъ того, что союзники не сожгли и не разграбили бы города, волновалась около экипажей. Отъѣздъ императорской фамилии казался для многихъ измѣной. Нѣсколько офицеровъ національной гвардіи проникли во дворецъ и умоляли Марію-Луизу остаться, обѣщаясь драться до послѣдней крайности. Несчастная женщина, истинно принимавшая участіе въ своемъ мужѣ и дорожившая участію своего сына, заливаясь слезами, благодарила ихъ и не могла ни отказать имъ, ни принять ихъ предложеній.

Наконецъ императорскій поѣздъ тронулся, среди недовольной толпы. 1,200 человекъ старой гвардіи сопровождали кортежъ, а на слѣдующій день, 30-го числа, Парижъ сдался на капитуляцію союзнымъ войскамъ.

Читатели не разъ уже встрѣчали на страницахъ „Военнаго Сборника“ описаніе дѣйствій подъ Парижемъ, взятіе этого города и пребываніе въ немъ императора Александра и союзныхъ государей. Минувя описаніе этихъ фактовъ, мы скажемъ только, что, на другой день послѣ сраженія при Феръ-Шампенеуазѣ, обѣ союзныя арміи продолжали движеніе къ Парижу, и какъ французы нигдѣ не могли остановить ихъ, то союзни-

ки наступали какъ бы въ своей странѣ, по заранѣе составленнѣмъ маршрутамъ. На всѣхъ путяхъ въ тылу союзниковъ двигались кавалерійскіе отряды, скрывавшіе движеніе ихъ арміи къ Парижу.

Наконецъ Наполеонъ убѣдился, что передъ нимъ находилась только незначительная часть союзныхъ силъ, а что главныя силы двигаются къ Парижу. Тогда онъ рѣшился направиться къ Парижу, чрезъ Труа и Фонтенбло.

29-го марта онъ прибылъ съ арміею въ Труа, а на слѣдующій день, утромъ, отправился въ Вильневъ и Аршевекъ, откуда, частию верхомъ, частию на почтовыхъ, въ дурной телѣжкѣ, вмѣстѣ съ Бертъе и Коленкурромъ, поѣхалъ въ Парижъ, въ надеждѣ быть полезнымъ тамъ личнымъ своимъ присутствіемъ. Въ полдень онъ прибылъ въ Фроманто и увидѣлъ многочисленную кавалерію, въ головѣ которой находилось множество офицеровъ. Это были войска генерала Бельяра, шедшаго занимать въ Фонтенбло квартиры для войскъ Мармона и Мортъе, которыя, по капитуляціи, должны были очистить Парижъ. Наполеонъ тотчасъ же призвалъ къ себѣ Бельяра и закидалъ его вопросами, на которые тотъ едва успѣвалъ отвѣчать.

— Гдѣ армія? спросилъ онъ Бельяра.

— Идетъ за мною, государь, отвѣчалъ Бельяръ.

— А гдѣ непріятель?

— У воротъ Парижа.

— Кто же занимаетъ Парижъ?

— Никто: онъ очищенъ.

— Какъ очищенъ?... А мой сынъ, жена, правительство, гдѣ они?

— На Луарѣ.

— Но кто принялъ такое рѣшеніе?

— Государь, говорятъ, что это сдѣлано по вашему повелѣнію.

— Никогда я не приказывалъ ничего подобнаго. Но Юсифъ, Кларкъ, Мармонъ, Мортъе, что съ ними, что они дѣлали?

— Мы не видали ни Юсифа, ни Кларка цѣлый день. Что касается до Мармона и Мортъе, то они вели себя достойнымъ образомъ; войска дрались удивительно. Національная гвардія соперничала съ солдатами. Ахъ, государь, если бы у насъ въ резервѣ было тысячъ десять и если бы тамъ были вы, мы опрокинули бы союзниковъ въ Сену, спасли бы Парижъ и спасли бы честь нашего оружія.

— Да, это правда; но я не могу быть повсюду. Но гдѣ же были Кларкъ и Іосифъ, что дѣлали мои двѣсти орудій въ Венсеннѣ и почему не употребили ихъ въ дѣло мои храбрые парижане?

— Мы ничего не знаемъ, государь. Мы были одни и сдѣлали все, что намъ казалось лучшимъ. Непрiятель потерялъ по крайней мѣрѣ 12,000 человекъ.

— Я этого долженъ былъ ожидать! вскричалъ Наполеонъ. — Іосифъ потерялъ мнѣ Испанію, а теперь и Францію.... Кларкъ? А я не вѣрилъ еще, когда мнѣ говорилъ герцогъ Ровиго, что это измѣнникъ и подлець.... Но довольно жаловаться: нужно исправить зло.... Коленкуръ! карету.

Съ этими словами Наполеонъ отправился къ Парижу, приказавъ всѣмъ слѣдовать за собою. Его успѣли убѣдить, что уже слишкомъ поздно. Ему однако никакъ не хотѣлось примириться съ мыслию, что все уже покончено. А между тѣмъ 19-го (31-го) марта, союзники вступили въ Парижъ. Императоръ Александръ объявилъ, что не будетъ вести переговоровъ съ Наполеономъ и предоставляетъ націи устроить свое правительство; затѣмъ тотчасъ же образовалось временное правительство и собравшійся 2-го апрѣля сенатъ объявилъ отрѣшеніе Наполеона отъ престола.

Но лишить Наполеона престола было еще мало: нужно было отнять у него всѣ средства, отнять армію, которую онъ могъ ежедневно увеличивать и которой онъ производилъ въ Фонтенбло ежедневно смотры. 4-го апрѣля онъ издалъ даже воззваніе къ солдатамъ, но чрезъ два дня, 6-го числа, подписалъ отреченіе за себя и за своихъ потомковъ.

Мы обходимъ здѣсь подробности политическія и всѣ интриги, которыя весьма ясно изложены въ сочиненіи Тьера и приведены у г. Богдановича. Мы съ своей стороны скажемъ только, что не императоръ Александръ навязалъ Франціи Бурбоновъ, которые чрезъ 16 лѣтъ принуждены были снова покинуть Францію. Въ заключеніе же прослѣдимъ конецъ карьеры человека, который, положивъ новыя начала въ военномъ искусствѣ, около двадцати лѣтъ наполнялъ міръ славою своего имени и блескомъ своихъ необыкновенныхъ дарованій.

По настоянію императора Александра, Наполеону предоставленъ былъ островъ Эльба, съ пожизненнымъ титуломъ императора, съ правомъ содержать 800 человекъ своей старой гвардіи и съ двумя милліонами пожизненной пенсіи. 11-го чи-

сла подписанъ былъ окончательный трактатъ и отъ Наполеона представленъ былъ актъ отреченія. Такимъ образомъ должна была кончиться карьера чловѣка, предписавшаго когда-то Европѣ трактаты кампо-формійскій, люневильскій, вѣнскій, тильзитскій, байонскій, пресбургскій.

Когда Коленкуръ, вручившій отреченіе Наполеона, вернулся въ Фонтенбло, императоръ съ грустію долго съ нимъ разговаривалъ о своихъ маршалахъ, министрахъ и генералахъ. Онъ признавался, что положеніе его слишкомъ тягостно.

— Я страдаю — говорилъ онъ — но всѣ мои страданія ничто въ сравненіи съ мыслию, что я оканчиваю свою карьеру подписаніемъ трактата, въ которомъ не могу выговорить ни одной нравственной выгоды, хотя бы сохраненіе трехцвѣтнаго знамени или почетнаго легіона... Подписать трактатъ, по которому мнѣ даютъ деньги! Ахъ, Коленкуръ! если бы у меня не было жены, сына, братьевъ и сестеръ, то я въ куски издралъ бы этотъ трактатъ. Если бы мои генералы, которые такъ долго были храбры, продержались еще нѣсколько часовъ, я измѣнилъ бы судьбу. Даже если бы этотъ негодный сенать не заступилъ моего мѣста, а позволилъ бы мнѣ вести переговоры съ тѣми силами, которыя еще были въ моемъ распоряженіи, я иначе вышелъ бы изъ нашего пораженія. Я выговорилъ бы что-нибудь для Франціи. Но получить Францію большою... и оставить ее такою маленькою... Это ужасно!

Немного помолчавъ, Наполеонъ продолжалъ:

— Но это еще не послѣднее униженіе. Мнѣ придется ѣхать чрезъ южныя провинціи, гдѣ страсти возбуждены. Если бы Бурбоны меня убили, я простилъ бы это; но мнѣ придется, можетъ быть, вынести оскорбленія черни.

Въ это время Наполеону пришла въ голову мысль покончить съ жизнью. Еще во время похода 1812 года, когда, на другой день послѣ кровавой битвы при Маломъ-Ярославцѣ, Наполеонъ едва не былъ взятъ въ плѣнъ казаками, онъ приказалъ доктору Ивану приготовить сильную порцію опиума, которую и сохранилъ въ своемъ несессерѣ. Принявъ опиумъ въ стаканъ воды, въ ночь на 12-го апрѣля, Наполеонъ легъ въ постель и, желая проститься съ Коленкуромъ и объявить ему свою послѣднюю волю, послалъ за нимъ около трехъ часовъ утра. Голосъ его былъ уже слабъ въ это время. Ни слова не говоря Коленкуру о происшедшемъ, онъ взялъ изъ-подъ

изголовья портфель и, вручая его своему бывшему министру, сказалъ:

— Этотъ портфель и письма къ моей женѣ и моему сыну я васъ прошу передать собственноручно. Моя жена и сынъ могутъ нуждаться въ вашихъ совѣтахъ и въ вашемъ благо-разуміи: не покидайте ихъ. Этотъ несессеръ отдайте Евгенію. Скажите Жозефинѣ, что я передъ смертію думалъ о ней. Этотъ камень возьмите себѣ на память. Вы честный человекъ и всегда говорили мнѣ правду. Обнимите меня.

При этихъ словахъ, показавшихъ Коленкуру въ чемъ дѣло, онъ бросился къ рукѣ павшаго императора и омочилъ ее слезами. Увидѣвъ въ стаканѣ остатокъ яда, онъ началъ спрашивать Наполеона, который на всѣ вопросы отвѣчалъ только просьбами оставить его кончить жизнь. Однако Коленкуръ хотѣлъ звать на помощь; но Наполеонъ сначала просьбами, а потомъ приказаніемъ остановилъ его, и Коленкуръ долженъ былъ быть свидѣтелемъ послѣднихъ минутъ императора. Страданія Наполеона были жестоки, и, повидимому, конецъ приближался. Въ скоромъ времени появились жестокия спазмы, предвѣщавшія рвоту. Сначала Наполеонъ долго этому противился; наконецъ, сила природы взяла свое, и его вырвало. Пользуясь этимъ, Коленкуръ вышелъ и позвалъ доктора Ивана. Наполеонъ, полагая, что оставшейся въ желудкѣ дозы опиума недостаточно, потребовалъ отъ доктора еще. Иванъ объявилъ прямо, что онъ исполнилъ его приказаніе въ 1812 году только изъ желанія спасти императора отъ униженія попасться въ плѣнъ, но раскаивается, что это сдѣлалъ, затѣмъ скрылся и болѣе уже не показывался.

Въ скоромъ времени Наполеонъ впалъ въ изнеможеніе и только отъ времени до времени, испытывая страшную боль въ желудкѣ, произносилъ. „Какъ трудно умирать! а на полѣ сраженія такъ легко! Зачѣмъ я не умеръ при Арси?“ Ночь прошла безъ особенныхъ приключеній, и окружавшіе его начинали уже надѣяться, что онъ останется живъ.

Утромъ прибыли въ Фонтенбло полковникъ Орловъ, для ратификаціи, и Макдональдъ, который хотѣлъ представиться и изъяснить падшему императору свою преданность.

Подведенный подъ руки къ окну, Наполеонъ освѣжился и началъ дышать свободнѣе.

— Судьба рѣшена, сказалъ Наполеонъ Коленкуру. — Надо жить и ждать воли Провидѣнія.

Потомъ онъ позвалъ Магдональда и, пожавъ ему руку, сказалъ:

— Вы честный человекъ, и я цѣню ваше поведеніе въ отношеніи ко мнѣ. Я желалъ бы выразить вамъ мою благодарность не одними только словами. Но почестями я уже не располагаю, денегъ у меня нѣтъ, да кромѣ того эта награда и недостойна васъ. Но я вамъ могу представить свидѣтельство моей признательности, къ которому вы не будете нечувствительны.

Затѣмъ онъ снялъ со стѣны саблю и, отдавая ее маршалу, сказалъ:

— Вотъ трофей абукирскаго сраженія—сабля Мурадъ-бея, которую я часто носилъ самъ. Берегите ее въ воспоминаніе нашихъ отношеній и передайте вашимъ дѣтямъ.

Въ то время, какъ въ Фонтенбло происходили эти сцены, въ Парижъ вѣзжали Бурбоны. 12-го числа Тюльери былъ занятъ графомъ д'Артуа, и теперь оставалось только распорядиться отъѣздомъ развѣнчаннаго императора. Наконецъ пріѣхали союзные комисары, которые должны были сопровождать Наполеона, и 20-го числа Фонтенбло опустѣлъ. Передъ отъѣздомъ Наполеонъ собралъ свою гвардію и произнесъ ей рѣчь:

„Мои старые товарищи по оружію и спутники на пути чести! Мы должны разстаться. Я могъ бы еще остаться среди васъ; но для этого пришлось бы продлить жестокую войну и, можетъ быть, начать междоусобіе: я не могъ на это рѣшиться. Наслаждайтесь покоемъ, который вы справедливо заслужили, и будьте счастливы. Что касается до меня, то не тревожьтесь обо мнѣ. Мнѣ еще предстоитъ исполнить назначеніе, для котораго я и остаюсь въ живыхъ: передать потомству совершенныя нами великія дѣла. Обнимая ваше знамя, я обнимаю всѣхъ васъ.“

Съ этими словами онъ обнялъ генерала Пти, державшаго знамя старой гвардіи, и со слезами на глазахъ бросился въ карету.

Путешествіе Наполеона было довольно медленно. Сначала его встрѣчали съ энтузіазмомъ и повсюду раздавались крики: „vive l'empereur“ и оскорбительные возгласы противъ союзниковъ. Но вскорѣ картина измѣнилась. Въ Муленѣ уже слышались крики: „vive le roi“ и „vivent les Bourbons“; между Муленомъ и Лиономъ народъ встрѣчалъ Наполеона болѣе съ

любопытствомъ. Чтобы избѣгнуть рѣзкихъ выходовъ, Лионъ проѣхали ночью. Однако все-таки еще были слышны голоса, кричавшіе: „vive l'empereur“. Это были послѣдніе возгласы. Подвигаясь далѣе на югъ, крики „vive le roi“ усиливались, и скоро къ нимъ присоединились другіе: „à bas le tyran“, à mort le tyran“. Въ Авиньонѣ народъ требовалъ „корсиканца“, чтобы разорвать его на куски и бросить въ Рону, а въ маленькомъ городѣ Оргонѣ народъ бросился къ каретѣ, растворилъ ее и угрожалъ смертію сидѣвшему въ ней Бертрану. Только энергія графа Шувалова, обратившагося къ народу съ увѣщаніемъ, спасла путешественниковъ отъ дальнѣйшихъ непріятностей. Самъ же Наполеонъ сидѣлъ въ это время въ другой каретѣ, въ иностранномъ мудирѣ.

Такого рода униженія и оскорбленія испытывалъ человекъ, который еще недавно былъ властелиномъ почти цѣлой Европы.

28-го апрѣля Наполеонъ сѣлъ на англійскій фрегатъ и 3-го мая, при радостныхъ крикахъ жителей Эльбы, высадился на островъ.

Но поприще Наполеона не было еще покончено. Не далѣе какъ въ слѣдующемъ году, онъ снова взволновалъ Европу и еще разъ привелъ въ движеніе европейскія арміи.

Въ заключеніе мы не можемъ не сказать, что разсмотрѣнный нами трудъ г. Богдановича займетъ весьма почетное мѣсто въ исторіи нашей военной литературы. Мы смѣло советуемъ каждому, кто только пожелаетъ ближе ознакомиться съ замѣчательною кампаніею 1814 года, обратиться непосредственно къ самому труду автора. Онъ ясно увидитъ изъ этого сочиненія всю силу генія, съ успѣхомъ борознагося съ подавляющею военною силою союзниковъ, всѣ козни и дипломатическія интриги союзниковъ въ отношеніяхъ между собою, и тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ увидитъ прямоту, твердость и рѣшительность, въ крайнихъ и важныхъ случаяхъ, императора Александра. Можно съ увѣренностію сказать, что безъ содѣйствія императора Александра еще не скоро Европа увидѣла бы конецъ бурной дѣятельности Наполеона, предъ военнымъ геніемъ котораго со страхомъ отступали тройныя и четверныя силы союзниковъ.

* * *